

№ 3 1977

Издательство «ПРАВДА»

РАБОТНИЦА

Н. КУЗНЕЦОВ. СОЛНЫШКО.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Этот день прекрасен в любую погоду. Он солнечный даже в ненастье. От улыбок, от согревающего тепла, которое лучится из глаз прохожих. От золотистых шариков мимозы — этих первых вестников весны, что плывут по заснеженным улицам в руках мужчин, торопящихся поздравить подруг, работающих рядом, родных, дорогих, любимых...

В этот день счастливы все от переполняющей нас доброжелательности и от мысли, пронзительно ясной и чистой: в основе основ всякого созидания на земле — нежность, мудрость и мужество Женщины. Таков этот удивительный праздник — Международный женский день.

А в этом году он и вовсе особенный, потому что отмечается в канун 60-летия Великого Октября. И каждый, кто мысленно проследит путь первой в истории человечества Страны Советов — от штурма Зимнего дворца до построения общества развитого социализма, кто вчитывается в строки Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с восхищением и благодарностью вспомнит о женщинах разных поколений, которые рядом с мужчинами с беззаветной отвагой и самоотверженностью ковали все наши победы.

Сегодня наши замечательные женщины — на передовых рубежах десятой пятилетки. Выполняя предначертания XXV съезда партии, они трудятся на БАМе и на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, возводят атомные электростанции и обживают новые города. Участвуя в развернувшемся по всей стране социалистическом соревновании, они работают так, чтобы задания второго года десятой пятилетки выполнить досрочно — к юбилею Великого Октября. В их энтузиазме — горячая признательность Коммунистической партии и Советскому правительству, проявляющим постоянную заботу о женщине-труженице, женщине-матери.

Да, Октябрьская революция принесла советской женщине подлинное равноправие. Социализм поднял ее на невиданную высоту, создав условия для гармоничного развития и обеспечив применение ее энергии и таланта на благо общества.

В результате революционного процесса, начатого Великим Октябрем, сформировалась мировая система социализма. Равноправными и счастливыми встречаются женщины социалистических стран. Восьмое марта. От всего сердца поздравляем наших сестер и соратниц с Международным женским днем!

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ощутимо повлияла на судьбы женщин всех стран. Опыт решения женского вопроса в Советском Союзе — это притягательный пример для тружениц всего мира.

Восьмого марта, в День международной солидарности женщин, мы приветствуем матерей, тружениц, прогрессивных деятельниц всех стран, ведущих борьбу за подлинное женское равноправие, за демократию и социальный прогресс, национальную независимость, за разрядку международной напряженности, за разоружение, за прочный мир на земле.

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ! УСПЕХОВ ВАМ, ЗДОРОВЬЯ И СЧАСТЬЯ!

И ВСТАНУТ РЯДОМ НОВЫЕ БОЙЦЫ

Лет пятнадцать назад мне довелось участвовать в антивоенном марше женщин в Женеве. Шли вместе француженки, англичанки, немки... Рядом со мной шагала американка. А недавно мы снова встретились с ней на международном семинаре по вопросам борьбы за всеобщий мир и разоружение. Вместе с моей старой знакомой была совсем молодая девушка. «Моя дочь», — с гордостью представила ее американка.

Да, в движении борцов за мир вступают новые поколения. Ряды женщин, борющихся за равенство, национальную независимость и мир, растут с каждым годом. Это очень заметно на международных встречах — новые лица, новые организации, новые страны. И думаю, не погрешу против истины, если скажу, что особый толчок к развитию демократического женского движения дал Международный год женщины.

Само решение ООН о проведении МГЖ вызвано жизненной необходимостью. Будущие историки отметят семидесятые годы нашего столетия как время перехода к глобальному решению вопроса о равноправии женщин. Теперь уже нельзя не видеть и не признавать той важной роли, которую женщины играют в современной жизни, огромного значения их вклада в развитие общества, в борьбу за укрепление мира и сотрудничества между народами. Все яснее становится тот факт, что социальное и политическое неравенство женщин стало острой проблемой, и решить ее — это задача всех общественных сил и организаций, общества в целом. У демократических сил есть теперь новое оружие в борьбе за равноправие женщин: решения Организации Объединенных Наций по этому вопросу, которые практически признаны всеми правительствами. Требование полного равноправия женщин как одного из непеременимых принципов подлинной демократии и уважения прав человека создает широкую основу для совместных выступлений самых различных сил общественности. К этому следует добавить, что проведение МГЖ дало мощный стимул и практические возможности для роста и проявления политического сознания самих женщин, понимания ими тесной взаимосвязи женского равноправия с социально-экономическими проблемами современности, с борьбой за национальную независимость, за всеобщий мир.

Международный год женщины широким шагом прошел по всей планете. Не было недостатка и в речах государственных и политических деятелей в западных странах, в которых выражалось понимание важности проблемы эмансипации женщин, их активного вовлечения в социальную и общественную деятельность.

Но если сейчас сравнить приятные слова, обещания и факты сегодняшнего дня, то концы с концами не всегда сойдутся. И снова — в который раз! — обнаружатся лицемерие и ущербность так называемой западной демократии.

В Соединенных Штатах, к примеру, было довольно громко объявлено о намерении принять поправку к конституции, которая давала бы наконец равноправие американкам. Но прошел МГЖ, прошел и еще один год, 1976-й, США торжественно отметили свое двухсотлетие, а поправка так и не внесена.

У меня еще сохранилась красиво отпечатанная программа МГЖ в Англии: десятки митингов, встреч, в том числе и в парламенте, и все по вопросу эмансипации женщин. Но не успел закончиться год, и муниципальный совет одного из крупнейших городов Англии, Ливерпуля, запретил распространение листовок против дискриминации женщин. Вот так-то.

Пожалуй, скорее можно понять представителей 15 западноевропейских стран, которые, собравшись в Осло, чтобы поговорить о положении семьи, признали (все-таки шел Международный год женщины) наличие дискриминации женщин, признали и то, что «это—явление нездоровое» и требует «специального внимания». Но тут же порешили, что какие бы то ни было практические выводы «нереальны в период экономического спада и роста безработицы».

И все же главное, о чем свидетельствуют события последних лет,—это неоспоримая очевидность общегосударственного значения «женского вопроса». Теперь никому (или почти никому) не придет в голову адресовать эту проблему феминистским группам и организациям. Так же, как нельзя воздух, которым мы дышим, разделить на составные элементы, так нельзя вынуть «женский вопрос» из жизни общества.

В Италии одиннадцать миллионов домашних хозяек. Значит ли это, однако, что все они не хотят работать? Нет, просто в такой развитой стране не находится места для трудовой, социально-политической деятельности миллионов женщин. Им нет места ни на фабриках, ни в сельском хозяйстве, ни в конторах и тем более в администрации.

Ну, а те итальянки, которые работают? Вот один из последних фактов: на крупном заводе «Монти», как часто бывает на старых промышленных предприятиях, трудятся целыми семьями. Приступая к реорганизации завода, администрация объявила, что из рабочих династий на заводе будут оставлены только... мужчины.

Понятно, почему трудящиеся женщины капиталистических стран все активнее включаются в борьбу рабочего класса за свои права. Когда вы смотрите документальные фильмы или фото с массовыми демонстрациями в западных странах, обратите внимание, сколько в их рядах женщин, особенно молодых. В октябре прошлого года во Франции прошли невиданные в этой стране по масштабам выступления трудящихся против попыток правящих кругов переложить тяготы экономического кризиса на плечи людей труда. В этих выступлениях плечом к плечу с мужчинами-металлистами участвовали работницы красильных и трикотажных фабрик.

В историю рабочего движения Англии, несомненно, войдет забастовка работниц завода «Трайкоу» — самого крупного в Англии предприятия, производящего стеклоочистители для автомобилей. Забастовка за равенство в оплате труда длилась 21 неделю (не забудем, что на руках у большинства женщин дети!) и закончилась победой бастующих.

За последние годы на арену активных действий вышли женщины стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вопросы женского равноправия они тесно связывают с борьбой против колониализма, неоколониализма, расизма, за экономическую и политическую независимость. Их выступления носят антиимпериалистический характер. Активизация женских организаций и движений развивающихся стран, естественно, привлекает к ним женские массы, ряды растут. Но там еще непочатый край работы.

По последним данным ООН, на нашей планете 800 миллионов людей и сегодня не умеют читать и писать. Две трети из них — женщины. Две трети — это почти 550 миллионов. Подумать только, 550 миллионов женщин — сегодняшних и завтрашних матерей — лишены драгоценнейшего дара человеческой культуры — грамоты! Принято считать, что неграмотность и отсталость населения — в основном удел бывших колоний в Азии и Африке. Да, это позор колонизаторов и империалистов. Хотя правды ради следует напомнить, что в развитых капиталистических странах неграмотная женщина — явление не такое уж редкое.

Прогрессивность государств определяется в числе других факторов и тем, что они делают для просвещения народа и для равноправного положения женщины-матери, воспитательницы молодых поколений. Прогрессивным шагом, например, был принятый в Индии закон о равной плате за равный труд. Прогрессивным, конкретным шагом является и решение правительства Индии, утвердившего Национальный комитет защиты прав женщин.

Национально-освободительная борьба и установление государственной независимости сильно изменили положение женщин в развивающихся странах. Молодым государствам досталось тяжелое наследие колониализма: экономическая отсталость, высокая неграмотность, живучесть реакционных взглядов на женщину и ее место в обществе. Те законодательные меры в интересах женщины, которые принимаются в этих странах, поистине революционный шаг. Ведь поднять, воодушевить широкие массы женщин — значит получить могучие резервы новых созидательных сил, которые помогут этим странам идти быстрее по пути общего прогресса. Но именно в силу своей революционности эти меры встречают яростное сопротивление реакции.

В чем больше всего сейчас нуждаются женские организации развивающихся стран — это единство, сплоченность, организованность, тесное сотрудничество с международной женской демократической общественностью. И Международный год женщины весьма способствовал этому.

Международное женское движение никогда не отрывало борьбу за экономические и демократические права от борьбы за мир. Не будем сейчас брать в расчет так называемых феминисток, выходцев преимущественно из буржуазных слоев, которые все еще шагают на демонстрации, размахивая бюстгалтерами. Не говорю и о тех, кто злоумышленно пытается использовать «чистый феминизм» для отвлечения женских масс от острых социальных и политических проблем. Речь идет о серьезном и многолетнем движении за подлинное равноправие женщин во всех областях жизни общества. Это движение всегда связывало в единый крепкий узел все цели борьбы: экономическое равенство, политические и демократические права, национальную независимость, всеобщий мир и безопасность народов.

Женщины — одна из самых активных сил в могучем движении современности, движении борцов за мир. Уже 400 миллионов людей земли поставили свои подписи под новым Стокгольмским воззванием. Наверное, трудно вести статистический учет, но можно не сомневаться, что большинство подписей — женские. Я бы позволила себе сказать: у женщин в борьбе за мир проявляется хозяйский, практический подход. Они любят конкретность действия.

Американская организация «Женщины, боритесь за мир» обратилась к новому президенту Картеру (еще до его вступления на этот пост) с открытым посланием, в котором призвала его «немедленно предпринять шаги к прекращению гонки вооружений, начатой по инициативе Соединенных Штатов».

Снова отправляют английские женщины письма на Даунинг-стрит, 10, в резиденцию премьер-министра Великобритании, с требованием поддерживать и выполнять решения ООН по программе разоружения.

О твердой решимости народов упрочить международную безопасность, сделать разрядку напряженности необратимой свидетельствовал состоявшийся в январе 1977 года в Москве форум миролюбивых сил, на который собрались представители свыше 70 международных и 220 национальных организаций из более чем 120 стран.

К участникам форума обратился с посланием Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Главное сейчас — действовать, говорится в послании Л. И. Брежнева. В борьбе за реальное разоружение и мир многое могут сделать миролюбивые силы общественности. Именно теперь для их деятельности открываются новые, более широкие перспективы.

Послание Л. И. Брежнева нашло самый глубокий отклик и одобрение среди участников форума.

На форуме миролюбивых сил в Москве в январе этого года было немало женщин. Горячо и деловито выступали они на пленарных заседаниях и в рабочих группах. Вот некоторые их высказывания.

Американка **Сондра Грехэм**, лицо, как она сказала, официальное (мэр города Кембридж): разрядка международной напряженности и прекращение гонки вооружений — единственная надежда американского народа на решение острых социальных проблем, которыми опутана страна.

Рену Чакравати, депутат парламента Индии, которую мы знаем много лет как стойкого борца за права женщин: разрядка — это динамическое развитие, в котором важную роль играет общественность, в том числе женская. Понятие «мир» включает в себя многое, в него входит и национальная независимость и равноправие женщин.

Фрида Браун, президент МДФЖ: самая важная задача сейчас привлекать все новые силы к борьбе за мир.

...Я снова вспомнила поход сторонниц мира в Женеве, свою соседку-американку. И ее дочь, молодую, полную свежей энергии, готовую к новым походам, к борьбе против вооружения, за разрядку, за безопасность жизни народов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

МАРТ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О. ЧЕЧЕТКИНА

Впервые это имя — Людмила Соловьева — читатели журнала «Работница» услышали двенадцать лет назад. Наши корреспонденты Лилиана Розанова и Николай Маторин собрались лететь в Сихотэ-Алинский заповедник, в поселок Терней. И вдруг за штурвал самолета садится женщина в летной форме. Это была пилот Дальневосточного управления гражданской авиации Людмила Соловьева. Так в 1965 году в № 9 «Работницы» появился очерк о пилоте Людмиле Соловьевой «Только в полете!».

Прошли годы. Недавно в «Работницу» пришло письмо с обратным адресом: «Приморский край, г. Артем, аэропорт, Л. Соловьевой».

Журналистам всегда радостно получать весточку от своего героя, узнать, как сложилась его судьба. А тут еще и «через годы, через расстоянья...».

«Помните ли вы меня? — спрашивала Людмила. — Я бывший пилот, командир самолета АН-2. Теперь работаю дежурным штурманом аэропорта. Кроме того, я стала писать. Сама еще не знаю, каким словом определить, что именно я пишу — очерки, заметки, просто записки. Пишу об обыденных и трудных летных буднях моих товарищей, о поэзии и прозе нашей работы».

В конверте лежали синие тетради в клеточку, исписанные крупным, «летающим» почерком. Мы принялись за их чтение с надеждой. И надежды наши, кажется, оправдались. Записки штурмана Соловьевой волнуют, потому что обеспечены золотым запасом жизненных наблюдений.

В НЕБЕ И НА ЗЕМЛЕ

Записки штурмана Людмилы Соловьевой

Мне кажется, я состою из воспоминаний. Они впитались в меня, как в губку. Они остры и переполняют душу. И я чувствую — должна писать. Я в долгу перед товарищами. Ведь в авиации далеко не все на виду. Знают, видят нас — пилотов, штурманов, стюардесс. А синоптики, радисты, техники и другие специалисты, все те, кто делает полеты осуществимыми? Они остаются, так сказать, за сценой. А ведь их работа не менее важна, чем наша. Надо, чтобы люди увидели их в деле, кто-то должен рассказать о них с пониманием и с благодарностью, как товарищ. Вот я и ищу слова...

ОБЛАКО РЯДОМ СО МНОЙ

— Ты, Люда, куда, в Дальнегорск? Ну, слушай: по трассе будет два—пять баллов слоисто-кучевой облачности, видимость более десяти километров,

ветер северо-западный — 40 километров в час. Болтанка умеренная. Возможны грозы.

Внимательно слушаю я, молодой командир самолета АН-2, Марию Григорьевну Ныркову, нашего синоптика. Чтобы их предвидеть, опасные для полетов явления погоды, и вовремя предупредить авиаторов, кропотливо, как пчелы, собирают синоптики сводки погоды с тысяч метеорологических станций на суше и в море.

Мария Григорьевна сообщает мне метеоданные запасных аэродромов и пунктов посадки. Взлет и посадка — сколько каверз может «устроить» погода на летном поле, — туманы, обложные и ливневые осадки создают плохую видимость. Все надо учесть, принять в расчет. Я беру прогноз и благодарю Марию Григорьевну. У нас, пилотов, есть уверенность: если прогноз дала Ныркова, он оправдается.

Много лет работает Мария Григорьевна во Владивостокском аэропорту после окончания геофизического факультета Владивостокского университета. Сейчас ей кажется, что профессию синоптика она выбрала для себя еще в далеком детстве, в деревне, когда донимала своего деда бесконечными вопросами: «Дед, а дед, почему вечером солнце красное?» «Солнце садится красно — жди, будет яс-

Пилот Соловьева за штурвалом самолета. Снимок 1965 года.

Фото Н. МАТОРИНА.

но», — степенно отвечал ей дед народной поговоркой. «А если солнце садится в тучу?» — тут же спрашивала Маша.

Теперь Мария Ныркова сама знает, как найти ответы на тысячи погодных «почему».

Подписав задание на полет, я бегу на стоянку. Мой второй пилот, эдакий здоровенный парень Саша Кришталь, докладывает о готовности самолета. Привозят пассажиров. Саша убирает подножку и закрывает дверь.

— От винта! — кричу я технику в форточку.

— Есть от винта! — принимает он мою команду.

Запускаю двигатель. Вначале он чихает, как

гриппозный больной. «Ну и симулянт», — ворчу я. Ага, критика действует, мотор начинает уверенно рокотать. Можно выруливать.

Мой «АН-двашка», как я его называю, важно движется к старту. Взлет. Взревел мотор, все быстрее мелькает взлетная дорожка, летное поле. Легкое взятие штурвала на себя, и машина устремляется в воздух. Больше всего я люблю взлет. Все во мне ликует и радуется. Мне нравится, что самолет послушен воле моих рук.

Под нами мелькают сопки, зеленая тайга, реки. Красив наш дальневосточный край. Сказочна природа. Интересна его история, леген-

дарны его герои. Вон там, в десяти километрах юго-восточнее Уссурийска, поблескивает, серебром отливают памятники Виталию Бонивуру. А севернее по таежным дебрям прокладывал маршрут Дерсу Узала для Арсеньева и его экспедиции.

Навстречу медленно ползут облака, мне хочется потрогать их. Я протягиваю руку. И мысленно трогаю облако рукой. Мне кажется, я даже чувствую, какое оно холодное, как вонзаются в ладонь мельчайшие частицы капелек.

От размышлений меня отвлекает голос в наушниках.

— О5657, я—Вулкан, по маршруту Арсеньев—Кавалерово грозное положение,—предупреждает диспетчер.

Ох, и капризный характер у приморской погоды! Но синоптики на страже. Молодцы девчонки!

Правее трассы над горой Изюбреной нависла огромная темная масса, ослепительной фиолетовой лентой блеснула в ней молния. Слабая болтанка. Гроза в стороне, но мы чувствуем ее предостерегающее дыхание. Мне кажется, что гора Изюбреноя и гроза заключили между собой никому не ведомый союз, их соединяют серые нити дождя, окутанные такими же серыми клубами пара.

Вдруг самолет трянуло, подбросило вверх, с силой швырнуло вниз. Возмутительно! Так непочтительно обращаться с нашей техникой. Нет, товарищ Погода, твой каприз перешел просто в самодурство.

Наконец-то впереди показалась гора Седая. Значит, скоро Дальнегорск. Но знаю, радоваться рано. В горах почти никогда не бывает спокойно. «Держись, Людка! Держись, Антошка!»—мысленно говорю я себе и своему старенькому АН-2. Самолет швыряет из стороны в сторону, и мы со вторым пилотом сидим, вцепившись в штурвал.

Захожу на посадку. «Будьте внимательны: ветер порывистый, крутит. Заходите с обратным курсом»,—узнаю спокойный голос Толи Бредюка, молодого диспетчера. «Вас поняла. Ухожу на второй круг».

Строим «коробочку» и опять заходим на посадку. Четвертый разворот, последняя прямая. Собираю нервы в железный комок. Болтанка. Сильные нисходящие потоки стремятся швырнуть самолет в землю, но моя правая рука начеку, на секторе газа.левой рукой я крепко держу штурвал и исправляю крены. Левый! Правый! В управлении мне помогает Саша. Сейчас он похож на тореадора, схватившего быка за рога, он вот-вот открутит ему голову. Наши ноги, стараясь выровнять направление самолета, двигаются синхронно, работают почти как при езде на велосипеде.

Ух, черт! Наконец-то посадка. На лбу мелкий бисер пота, а наш «лайнер», выдавший виды и почище, стоит как ни в чем не бывало, готовый к новым испытаниям.

На прощание меня «благодарят» пассажиры. — Девушка, вы везли нас по кочкам, как баба-яга в ступе!—бросает мне какой-то юноша.

— Так, чай, не женское это дело,—ворчит бабка.

Ну как им доказать, что болтанка не зависит от того, кто сидит за штурвалом—женщина или мужчина?

...Светлого времени для возвращения во Владивосток не хватает, и мы устраиваемся на ночлег. Саша с другими экипажами в пилотской, а я беру раскладушку и занимаю крохотный кабинет начальника аэропорта.

На метеостанции дежурит Нина Рябухина мой любимый техник-наблюдатель, рыжеволосая, жизнерадостная и всегда приветливая. Если бы погода зависела от настроения синоптика, в дни дежурства Нины она всегда была бы солнечная.

Нина измеряет высоту облачности при помощи аппаратуры «Иво». В темноте это зрелище

удивительное. Едва Нина нажимает кнопку, на улице, напротив окон метеостанции, открывается крышка металлического ящика и огненный столб взмывает в небо. Кажется, что Нина выпустила в полет космический корабль и он оставил после себя этот яркий след. Но вот крышка захлопывается, как у волшебной шкапулки, и сказка уходит.

Поздним вечером, почти в полночь, решили пойти за водой к ручью по лесной тропинке. Тишину тайги нарушает музыка лягушечьего квартета да журчание говорливой речушки. Ночь, темнота, и ни одной звезды, лишь где-то под ногами танцуют маленькие огоньки. Это светлячки, они освещают нам путь.

МАЛЕНЬКИЙ АЭРОДРОМ...

Сколько историй связано с ними!

Были истории смешные... Помню, летели в Терней в последний день уходящего года. Вылетели рано утром. Мороз крепкий. Одеты соответственно— меховые брюки, толстая куртка, лохматые унты, ведь наш АН-2 тогда не отапливался. Рейс особый, радостный, фюзеляж доверху набит новогодними подарками для северян. Во второй половине дня должны были вернуться домой, успеть к встрече Нового года.

Но пока долетели до Тернея, погода напрочь испортилась. В небе ни одного просвета. Стало ясно—застряли.

— Что ж, зачехляйте,—сказал технику Феликсу Батуре мой тогдашний командир корабля Саша Счеславский.— Придется Новый год встречать у вас.

Вечером нас пригласили на новогодний бал. Переливалась разноцветными огнями таежная красавица елка. Девчонки в нарядных платьях и легких туфлях кружились в вихре вальса. Вдруг вижу—через весь зал к нашему столу направляется парень. Я сижу у стены, и ему видна только моя голубая кофточка.

— Разрешите.—Он протягивает руку, приглашая меня на танец.

Наши ребята заранее давятся от смеха. Я тоже хохочу.

— Понимаете, не могу.

— Ну пойдете, пожалуйста,—упрашивает он.

Тогда я молча поднимаю край скатерти: на парня из-под стола, дерзко ухмыляясь, глядит мой косматый, рыжий унт.

— Люда, ничего, потанцуй,—подтрунивают ребята.— Это у тебя маскарадный костюм под Топтыгина. Только смотри ноги партнеру не отдави.

Жаль, конечно, но приходится отказаться. А наши ребята, не смущаясь, на потеху зрителей выделывают в своих унтах замысловатые па.

До Нового года остается пять минут. Со всех столов раздаются залп пробок, вылетающих из бутылок шампанского. Мы тоже поднимаем полные искрящиеся бокалы... с боржомом (нам нельзя спиртное, завтра вылет). С Новым годом! С новым счастьем, друзья! А может, и с погодой?..

Но бывают и другие, совсем другие воспоминания. Как, какими словами написать о таком?

...Уходил на пенсию начальник маленького аэродрома местного значения, затерявшегося среди сопок. Аэродром этот я знала отлично, не раз приземлялась и взлетала с его полосы. Небольшая площадка, поперек изрезанная канавками разной глубины, во время дождей размокала и надолго выходила из строя.

— Юпитер, я—20435, разрешите посадку,—запрашивал борт.

— Заходите с любым курсом, у меня тихо,—разрешал начальник.

Слышал он плохо и кричал в микрофон особенно громко. И летчики, по-доброму шутя, прозвали его «королем» эфира. Немногие из

Сколько таких ночевок было в моей летней жизни—на маленьких аэродромах!

нас, молодых пилотов, знали, что этот человек когда-то, летая еще на ПО-2, несовершенных первых самолетах, прокладывал на Дальнем Востоке труднейшие пионерные трассы. Потом по состоянию здоровья он был списан на землю и с 1946 года работал бессменным начальником аэродрома.

По возрасту он уже давно заслужил пенсию, но никак не мог расстаться с авиацией. Он словно сросся с этой старой взлетно-посадочной полосой, и время постепенно наложило одинаково морщинистый отпечаток на их лица.

Я видела этого человека в день, когда он сдавал дела. И надо же было так совпасть двум событиям: как раз в этот день на аэродроме должна была открыться новая бетонированная взлетно-посадочная полоса. Было в этом совпадении что-то символическое и глубокое, по-человечески печальное.

Я видела, как начальник, теперь уже правильнее было бы сказать—бывший начальник аэропорта, постоял у полосы, которой отдал почти тридцать лет, а потом с ревностью посмотрел на новую, красавицу рядом. «Ну что, «старуха»?—казалось, говорил его взгляд.— Совсем расклеилась? Да разве же можно себя так распускать рядом с такой красавицей соседкой?»

По-моему, старику не хотелось, чтобы кто-либо из сослуживцев или пассажиров видел его сейчас, и он специально выбрал для прощального обхода вечернее время. Он направился к стоянке самолетов, где в свете прожектора на пригорке просматривались контуры АН-2. Я видела, как он гладил хвост самолета, прижимая ладонь к холодной перкали.

Завтра на новой бетонной полосе приземлятся современные самолеты. Поймут ли молодые пилоты, что их нынешние полеты тоже начинались с его таежных трасс на ПО-2, с его старой полосы?

А сколько таких, как он, всю жизнь отдавших авиации?

Как, какими словами рассказать об этих людях? Я не знаю пока таких слов. Но их боль—и моя боль. Их радость—моя радость...

«РАСПИШИСЬ ЗА ВЕТЕР!»

Из окон штурманской наблюдаю, как самолет снижается, заходит на посадку. Четко представляю все действия экипажа. Мне грустно оттого, что сама я уже не летаю. Теперь я дежурный штурман аэропорта. И должна полюбить штурманскую—большую комнату со всевозможными схемами полетов, картами, макетами и световым табло. Должна... Но пока мне кажется, что я не смогу привыкнуть к этой работе никогда. Высидеть на стуле 12 часов с моим характером трудно.

— Здравствуйте,—прерывает мои размышления командир ИЛ-18.— А где же дежурный штурман?

— Штурман—это я. Разве не похоже?

— Что, уже и женщины—дежурные штурманы? Сколько летал, нигде не видел,—как диковинку разглядывает меня командир.

А я-то мечтала: брошу летать, избавлюсь от любопытных взглядов и вопросов.

— Вам схему выхода из нашей зоны подсказать?—спрашиваю я, проверяя и подписывая штурманский расчет полета до Красноярска.

— Да нет, спасибо, мы знаем. До свидания,—хором прощается со мной экипаж.

— Счастливого пути!—отвечаю я.

Заходит следующий экипаж, с ТУ-104. Штурман рассчитывает полет до Хабаровска.

— Девушка, вы что, штурманское отделение кончали? Наверно, сюда по распределению?—спрашивает второй пилот.

Я невольно оглядываюсь. Из женского пола вроде больше никого нет.

— С прискорбием вам сообщаю: я не девушка, я—пенсионерка.

Все смеются. А я думаю, если в 38 лет тебя называют девушкой, может, это не так уж плохо?

На протяжении всего дня приходят экипажи вертолетов, маленьких самолетов и больших кораблей. И я контролирую правильность проложенных ими маршрутов и в крупные города и в самые отдаленные уголки нашей Родины.

Но вот и конец рабочего дня. Мне он показывается длинным, как северная ночь. Перед глазами еще скачут схемы полетов, цифры и цифры. В 19-00 меня сменяет Равель Бакеев. Но все его зовут Миша, ему почему-то нравится это имя. Раньше он летал штурманом на ЛИ-2. Высокий и худой, он не успевает войти в штурманскую, как уже чиркает спичками.

— Миша,— говорю я,— ну когда ты перестанешь курить? Ты посмотри, какой ты худющий, тебя же скоро сквозняком будет сдувать.

— А я от сквозняка окно закрою, ремнями к столу привяжусь,— говорит Миша, смакуя толстую кубинскую сигару.

— Ну ладно, пока!—И я бегу, чтобы не опоздать на автобус.

Сегодня я дежурю в ночь. Пока нет экипажей, выписываю восходы и заходы солнца по городам и поселкам, куда полетят завтра самолеты. Тяжелеют веки, страшно хочется спать. Закончив дела и выпустив в полет четыре экипажа, я закрываюсь на ключ и удобно располагаюсь в кресле, подставив под ноги стул. Час-два, пока нет вылетов, можно посидеть вот так, почитать. В два часа ночи стук в дверь. Открываю.

Входит очередной экипаж. Штурман, рассчитав полет на Магадан, нерешительно, боком, подходит к моему столу.

— Проверьте, пожалуйста!

Все у него верно. Только подсказываю ему нижний безопасный эшелон по трассе, который он забыл поставить в штурманском листе, и расписываюсь.

В шесть часов утра иду на метеостанцию. Мне нужны данные: температура воздуха на земле и высоте, давление, направление и скорость ветра для расчета безопасных высот по трассам, времени полета до аэродрома посадки и других, более сложных штурманских расчетов.

Света Литвинова, инженер-синоптик, высу-

нув кончик языка, как прилежная ученица, наносит на метеорологическую карту разные значки метеокода.

— Море я закрасю синеньким, вот так,— говорит Света, нанося синие штрихи на Японское море.— Вот тут дождь и тут дождь.— Света рисует на карте зеленые птички.— А вот тут дождь с грозой.— Она нанесла на карту яркий красный устрашающий знак— гроза.

В подтверждение этого за окнами в западном направлении польхнула полоска молнии и далеко, приглушенно прогремел гром.

— Ох, Света, что ты наделала, всю погоду испортила!—с жалостью смотрю я на карту.

Пришел циклон. Всю ночь напряженно работала наша смена. Люда Кирюшина, старший радиотехник, наблюдает за экраном метеорологического радиолокатора. Облачность и грозы на экране локатора получаются в виде белых пятен. Люда измеряет их направление и величину удаления и наносит на свою карту. Потом передает ее инженерам-синоптикам.

Света Кулагина и Нина Глинская—радиооператоры, принимают погоду со всего Дальнего Востока, Севера, из Японии, с судов. Непрерывная лента с цифрами бежит с телетайпа. Эти цифровые данные раскодируют техниканосители Нина Ежова и Оля Ярыгина.

— Люда, распишись за ветер,— говорит мне инженер-синоптик Нина Данилова.

— А где он у тебя?— спрашиваю я, не найдя книжки.

— А тут, в столе,— говорит Нина.

— Ты и держи его там взаперти, не выпускай на волю,— шучу я.

Достав книгу с прогнозами направлений и скорости ветра по высотам на сегодня, я ставлю свою подпись.

Иду к себе в штурманскую. По этим метеорологическим данным мне предстоит произвести ряд штурманских расчетов. Скучная материя—расчеты, но без них не будет безопасности полетов.

Жизнь продолжается—я помогаю летать другим.

МАМИНА ЛАДОНЬ

Я стою на новом проспекте Космонавтов в Виннице. Как давно я здесь не была!

Каждый раз, приезжая в отпуск, я придумываю разные варианты встречи с мамой. Захожу в телефонную будку и набираю номер.

— Да, слушаю,— раздается мягкий, дрожащий голос.

— Это Клавдия Петровна?— спрашиваю я, держась левой рукой за сердце: кажется, оно вот-вот выскочит из груди.

— Да. А кто это?— спрашивает мама.

— А это Иванова, помните, на заводе вместе работали?— стараюсь говорить поглубже, басом.

Трубка долго молчит. Видно, мама напрягает память, пытаясь вспомнить, что за Иванова.

— Нет, не помню что-то,— отвечает она неуверенно.

— Ну так, естественно, в вашем возрасте все забывается,— продолжаю я не своим голосом.— Ну, а как ваше здоровье? Как у вас сердце, не болит?

— Нет, спасибо. Месяц назад болело, а сейчас вроде ничего.

— Клавдия Петровна, знаете, что я хочу вас спросить?

— Ну-у, что?— Мама выжидающе молчит.

— Когда вы будете узнавать своих детей?— спрашиваю я уже своим голосом.

— Лю-юда!— радостно кричит мама.— Где ты?

— Я тут, на нашей улице,— говорю я.

— Я сейчас, я тебя встречу, бегом!— Падает в спешке брошенная трубка.

По аллее навстречу мне катится до боли знакомый маленький колобок. Голова и туловище спешат вперед, а большие ноги не пускают. Она размахивает руками, как бы подгоняя себя.

Я бросаю чемодан и бегу навстречу, обхватываю ее и кружу на месте.

— Люда, доченька, ты меня задушишь,— пытается освободиться из моих объятий мама и добавляет уже строго:— Люда, хотя бы ты раз прилетела по-человечески, дала телеграмму.

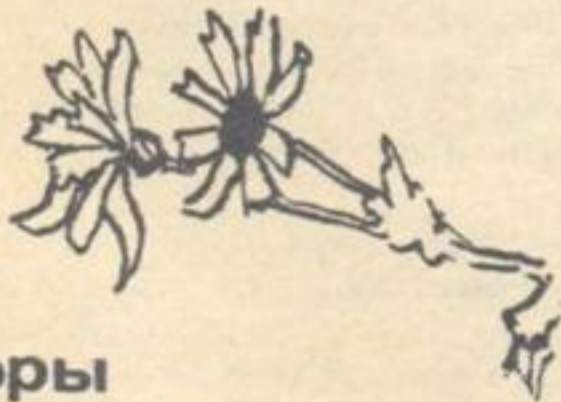
— Ну зачем же беспокоить зря, так интереснее...

Я шагаю по тенистой аллее размашистым свободным шагом, а рядом со мной семенит маленькими шажками моя мама. Я глажу ее шершавую ладонь, вглядываюсь в веселые морщинки вокруг глаз, и уходят куда-то мои все горести и тревоги.

Мама, сама того не зная, дарит мне радостные и безмятежные минуты детства.

Куда бы мы ни взлетели в нашей жизни, наша стартовая площадка—мамина шершавая ладонь.

Татьяна КОТЕНЕВА

Сборы

Никак не могу я собраться в дорогу.
А хочется взять мне с собою немного.

Но как в чемоданы свои уложу я
Лесную полянку совсем небольшую?

Как я размещу среди книг и ботинок
Несколько самых любимых тропинок?

А как же друзья мои—сосны и елки?
Не влезут они на багажные полки.

Никак не могу я собраться в дорогу,
Хотя увезти я хотел бы немного.

Где ночуют облака

Под горой течет река,
Там ночуют облака.
Потихоньку в темноте
Опускаются к воде.

Постелив себе под ноги
Берег низкий и пологий,
А под голову—обрыв,
Мирно спят, глаза прикрыв.

Только иглы тростника
Чуть щекочут им бока.

Я сегодня встану рано:
Я боюсь проспать туманы,
Я хочу успеть, пока
Не проснулись облака.

Зачерпну туман рукою,
А другой рукой накрою.
Осторожно, на весу
Маме облачко несу.

Танец

Совсем не в сказочной стране,
Не в выдумке и не во сне,
А в самом деле.

Одеты ярко и пестро
Летают бабочки в метро,
В тоннеле.

Их вместе с ветром поезда,
Наверно, занесли сюда.
Кто знает?

Они танцуют под землей
Привычный, древний танец свой.
Летают.

Пусть нет травы, и нет цветов,
И рельсы вместо ручейков,
И мало света.

А с ними в ниточке лучей
Подземной лампы в сто свечей
Танцует лето.

ми. Гибель родных, друзей, близких. Унизительные обыски и угрозы. Она вынесла все, отказавшись покинуть Чили, пока не будет освобожден из фашистского застенка ее муж. Прожила эти нечеловечески тяжкие, бесконечно длинные три с половиной года с высоким достоинством дочери своего народа, коммунистки, жены, матери...

Две дочери рядом. Хрупкая, нежная Вивиана: отцовский внимательный взгляд, четкий профиль узкого лица. И Мария-Виктория, младшая, в коричневом школьном платье с белым воротничком, статная, с мягкими (материнскими!) движениями.

Обыкновенная квартира. Еще не обжитая как следует: хозяева приехали совсем недавно, и отпечаток их личности, вкусов, привычек пока не заметен на окружающих вещах. Разве что стол—на нем недописанное письмо на родину, в Чили, и гора разноязыкой корреспонденции, газет, журналов, книг. По-московски, без затей убранная елочка: да, этот Новый год они встречали вместе. Очень много цветов. И фотографии. Старшая дочь—смеющаяся, красивая, с разлетевшимися на ветру длинными волосами—она осталась с мужем на родине. Симпатичная детская рожица—внук, Диего, сын покойного Луиса Альберто. И еще—маленькая фотография Ленина. Ее мы увидели сразу, как вошли в этот дом. И невольно ощутили символом родства всех коммунистов мира.

Интервью дают сразу двое. Сидят рядышком на диване—худенькая, порывистая, серьезная Вивиана и внешне спокойная, сдержанная Лили. Низкий, теплый голос матери сплетается с юношески звонкой, темпераментной скороговоркой дочери.

— Мама очень волнуется и попросила, чтобы я ей помогла. Понимаете, ей трудно говорить—отвыкла за эти годы. В Чили ведь сейчас вообще не говорят с незнакомыми, тем более с журналистами. Боятся повредить себе и близким неосторожным словом. Со мной тоже так было, когда приехала. Умом понимаю, что мне ничто не грозит, что здесь я свободна, а внутренне скованна, никак не могу разговариваться.

Лили мыслями, сердцем, памятью еще в Чили, среди своих друзей, которым не выпало, как ей, счастье обнять мужа после долгой разлуки.

— Если бы вы знали, как добивались мы, родственники политических заключенных, этих встреч,—рассказывает Лили,—как готовились к ним! По крохам собирали передачи: одежду, еду, лекарства. Я помню знойные летние дни. Холодные, промозглые зимы. Унылые дожди, пронизывающие до костей. И нескончаемо длинные очереди женщин, часами стоящих у стен тюрьмы. Надо было вынести унизительные досмотры, обыски—не щадили даже грудных детей, копались в пеленках и одеяльцах. Ломали сигареты и карандаши, ковыряли хлеб, фрукты. Наглые лица надзирательниц, которым доставляло наслаждение унижать нас, жен политзаключенных, многие из которых годились им в матери. И острый толчок в сердце, когда в углу каменного двора, у серой бетонной стены, видишь исхудавшее, измученное родное лицо...

Фашисты схватили моего мужа 27 сентября 1973 года. Наша семья была в глубоком подполье. Но как только я узнала из сообщения телевидения, что Лучо арестован, я вернулась в свой дом и оставалась в нем до конца.

Пятьдесят семь бесконечно длинных дней и ночей она ничего не знала о муже. Не знала даже, жив ли он. Его держали в полной изоляции, под дулами автоматов, в тесной—ни встать, ни лечь—камере одного из помещений военной академии. Пытали голодом, бессонницей, бесконечными жестокими допросами.

Из тюремных свиданий, слившихся в бесконечную череду длинных ожиданий и коротких встреч, Лили навсегда запомнит первое. Он жив! Можно его увидеть! Это—главное. Такие быстрые минуты—ничего не успела спросить, узнать. Смотрела, не могла насмотреться—на рассвете того дня, когда Корвалана вместе с другими политзаключенными отправили в страшный, под стать гитлеровским лагерям смерти концлагерь на острове Досон.

Еще одно свидание помнит она отчетливо. Тогда уже Лучо перевели ближе к Сантьяго, и дочери пришли к нему прощаться перед отъездом в Москву. Они колебались: тяжело покидать родину, дом, оставлять в беде отца и мать. Но он настаивал: надо учиться, нельзя терять годы.

И самое страшное: день, когда Лили пришла сообщить мужу о смерти сына. Не хотела, чтобы он узнал об этом от чужих людей. Им дали только пять минут. Рядом стоял карабинер с часами, отсчитывая убегающие секунды...

— В очередях перед тюремными воротами, в тесных коридорах и переполненных автобусах мы не разбирали партийной принадлежности. Нас, жен политзаключенных, спаяла одна общая беда. Мы были вместе. И помогали друг другу, чем могли. Я думаю, нам, коммунисткам, было в чем-то даже легче, чем другим: партия закалила нас в борьбе. Но среди женщин были социалистки, радикалы, христианские демократы, независимые, беспартийные. Были малограмотные крестьянки и работницы, часто совсем девочки. Были интеллигентки, далекие от политики, прежде не разделявшие убеждений своих мужей.

Народ, познавший свободу, нельзя сломить. Этому научила история. Чилийская революция выразила страстное стремление народа к

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩ ЛИЛИ!

В первый раз мы увидели ее на экранах телевизоров, в морозный декабрьский день, когда вместе с мужем, Генеральным секретарем Компартии Чили товарищем Луисом Корваланом, шла она по заснеженному московскому аэродрому. В мохнатой русской ушанке, которая удивительно шла к ее смуглому лицу и ярким черным глазам, она сразу же показалась близкой и знакомой, словно мы знали ее много-много лет.

А когда мы перешагнули порог ее дома—товарищ Лили Корвалан согласилась дать интервью корреспондентам «Работницы»,—ощущение милого давнего знакомства стало еще крепче. Простота и неторопливое достоинство. Искреннее радушие, сквозившее даже в мелочах—куда мы повесили пальто, удобно ли сели, не остыл ли кофе... Мягкий свет женского обаяния, вдруг как-то по-новому осветивший то, что мы о ней раньше читали, слышали, знали...

Жена коммуниста и сама коммунистка с тридцатилетним стажем, прошедшая вместе с мужем и всей партией нелегкие годы подполья, революционной борьбы, счастливые дни победы и строительства новой жизни, а потом черную ночь фашистской реакции. Арест мужа, тревога за его жизнь. Смерть единственного сына. Разлука с дочерью

Лили с дочерьми Марией-Викторией (слева) и Вивианой.

свободе и демократии. «Моя революция»,— мог сказать каждый рабочий, каждая неграмотная крестьянка. Это стремление не вырвать из сердца и сознания простых людей, не залить кровью, не расстрелять из автоматов... Ожесточенный террор привел лишь к еще более тесному сплочению антифашистских сил. Коммунистическая партия и другие партии блока Народного единства живы, они продолжают сражаться. Только борьба эта приняла тысячу новых форм и обликов. Нелегальная листовка, появившаяся на улице. Ненавидящий взгляд исподлобья. Тарелка супа для голодного сынишки политзаключенного. Кулек кофе для его жены... Это тоже борьба.

Голос в защиту политзаключенных и их семей подняла и чилийская церковь.

— Мы знали и чувствовали, — продолжает Лили, — что не одиноки. Что наше горе — общее горе. Ведь народ был с нами. Совсем незнакомые люди звонили мне и моим подругам, писали письма со словами поддержки, приходили домой, хорошо понимая, чем рискуют. Приносили передачи — кто что мог. Несколько сентаво, пачку сигарет, домашнюю лепешку, одежду для детей... Пожилые женщины, собираясь вместе, вязали для заключенных теплые свитера, носки, шарфы.

Все прогрессивное человечество приняло к сердцу национальную трагедию Чили и старалось помочь нам словом и делом. Через Международный Красный Крест мы получили советские медикаменты, продовольствие. Потом лавиной, прорвав полицейские барьеры, хлынули письма, телеграммы, открытки. Мы верим, что общественная сила международной солидарности и неустанная борьба нашего народа смогут вырвать из застенков Пиночета всех политических узников, как вырвала моего мужа.

День за днем все эти три с половиной года народ Чили испытывает зверский террор преступной хунты. Аресты и пытки, одно политическое убийство за другим...

Фашисты разрушили экономику страны, оборвали ее независимое развитие, резко отбросили назад, сломав социальные завоевания последних лет. Страна залита кровью; изнемогает от груза нищеты, безработицы, голода, непомерно вздутых цен. Народ бедствует страшно.

— И семьям политзаключенных часто не на что жить. Нечем кормить детей, — продолжает Лили. — Я знаю женщину из рабочего предместья Сантьяго, которая просила подаяния, чтобы похоронить умершего от голода ребенка. Знаю и других, вынужденных рыться в отбросах и мусорных ямах, чтобы найти хоть что-то съедобное для голодных детей.

Но самое страшное — гибель родных и близких, мучительное, рвущее душу беспокойство за их судьбу.

Марта Угарте была моей близкой подругой. Умная, смелая, талантливая. Член ЦК Компартии Чили. После контрреволюционного переворота она исчезла. Многие месяцы никто ничего о ней не знал. Родные обивали пороги официальных учреждений. Везде один ответ: «В списках арестованных не значится. Спросите у коммунистов, может, они знают». А потом на одном из пустынных пляжей нашли изуродованный труп женщины. Ее сбросили с

вертолета в море, привязав проволокой на шею камень, — фашисты хотели скрыть преступление. Но волны выбросили тело на берег. По газетной фотографии сестры узнали Марту. Они потребовали расследования ее гибели. «Нечего расследовать, обычное самоубийство на любовной почве», — цинично заявила одна из центральных газет, официальный рупор хунты.

Маленький Дьегито, внук Луиса и Лили Корвалан.

Так же загадочно исчезли Ольга Флорес и ее муж, член ЦК Компартии Чили Бернардо Аррайя. Никто не узнал бы об их аресте, если бы не маленькие внуки, которых схватили вместе с Ольгой и Бернардо. На глазах детей пытали бабушку и дедушку, а потом допрашивали их самих, кололи им наркотики, били. Когда детей отпустили, несмотря на ужас и потрясение, они нашли в себе силы вместе с родственниками сделать заявление для печати, рассказав все, что видели. На следующее утро молодчики из ДИНА (чилийское гестапо) явились за детьми. Но их уже успели хорошо спрятать. А об Ольге и Бернардо мы так ничего и не знаем.

Лили нервно закуривает. Молчит. Потом достает заранее приготовленный листок с записями. Там имена. Много имен. Элиана Эспиноса. Элиса Эскобар. Алисия Эррера. Кларита Кантеро и другие.

Коммунисты и не коммунисты, деятели блока Народного единства, патриоты Чили, схваченные фашистами...

В тюрьмах и под следствием томятся еще многие тысячи людей, тысячи числятся «пропавшими без вести».

— А сейчас я скажу о сыне.

Лили снова замолчала. Молчит Вивиана. И мы молчим. Мы не решились бы задать этот вопрос: слишком свежа еще рана в сердце матери, потерявшей сына. Луис Альберто был арестован хунтой, его зверски пытали — это и привело к безвременной смерти, когда, казалось бы, самое страшное осталось позади и удалось вырваться на свободу.

В ее глазах блестят непролившиеся слезы. Но голос по-прежнему ровен и тих.

— Я горжусь своим сыном. Гордость так же сильна, как боль. Он был мне опорой и поддержкой. И он и его жена Рут вели себя, как настоящие коммунисты. Я говорю себе: такова борьба. Она не бывает без жертв. Каждый отдает борьбе то, что может. Самое дорогое: свободу, любовь, жизнь. Я должна была выстоять — это было моей партийной работой. Но я не знаю, хватило ли бы у меня на это сил, если бы не мои дети. Мой сын, мои дочери, моя невестка Рут, которую я люблю, как дочь...

Лили смотрит на фотографию внука. Ребенок серьезный, сосредоточенный, без улыбки...

— Он похож на отца?

— Да, очень. Ему сейчас четыре года, а он видел столько горя, сколько хватило бы на целую взрослую жизнь. Дьегито было всего восемь месяцев, когда схватили отца и мать. И его вместе с ними. Мы долго не знали, где он. Наконец разыскали с помощью Международного Красного Креста, взяли домой. С малышом на руках я ходила вокруг стадиона, превращенного в концлагерь, где томилась его родители, — хотела, чтобы они знали: ребенок в безопасности.

— Дьегито исполнился год, — продолжает Вивиана, — а он не умел ходить. Был очень нервный, возбудимый, плохо спал. Лили стала ему настоящей матерью. Научила его ходить, говорить. Научила не бояться людей. Когда вернулась его мать, он не узнал её, тянулся к Лили, плакал... Они уехали в Болгарию. Там он заново узнал отца, прежде чем потерять навсегда.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

— Что должна отвечать моя дочь Рут сыну, который спрашивает ее, где отец? Что отвечают тысячи чилийских вдов своим осиротевшим детям?—с горечью спрашивает Лили.—После смерти Луиса Альберто Рут с сыном уехала в Мексику, где живут ее родители. Там она продолжает нашу борьбу, как и все чилийские патриоты, в какой бы уголок земли ни забросила их судьба.

Вивиана... Фашисты вышвырнули ее из университета. Прислали письмо: «...за принадлежность к коммунистической молодежи, за участие в руководстве студенческой федерации, за публичные выступления» исключить без права поступления в учебные заведения Чили. Других исключали просто «за неблагонадежность», например, за дружбу с ней, Вивианой.

Ей двадцать один год. Больше всего на свете она любит танцевать. До переворота училась балету, выступала с концертами на фабриках, в рабочих поселках.

— Это был агитационный, политический танец, понимаете?—говорит Вивиана.—Наш вклад в борьбу с империализмом. Как политические песни Виктора Хары...

Сейчас Вивиана Корвалан изучает русский язык на подготовительном факультете МГУ, а потом мечтает поступить в театральный институт и танцевать, обязательно танцевать.

— А у тебя какие планы, Мария-Виктория?—обращаемся мы к младшей сестре, успевшей сменить школьную форму на нарядную, вышитую блузу.

— Еще не знаю.

— О чем мечтаешь?

— Вернуться в Чили.

Лаконичность ответов определяется еще и тем, что разговор ведется по-русски. Мария-Виктория учится в 8-м классе московской школы, и хотя справляется с изучением русского языка успешно, предпочитает все же строить фразы по-русски.

И снова Вивиана:

— Можно, я еще скажу о маме? Мы зовем ее Лили. Наша Лили... Она для нас всё—мама, товарищ, друг, образец нравственной силы и негибкости. Как она умеет поддержать всех в самую трудную минуту, заразить своей надеждой! Я недавно вышла замуж и знаю, по ком буду мерить свою жизнь. Родители научили нас высокой верности, пониманию и любви.

И тут мы решились задать еще один вопрос:

— Лили, как вы познакомились со своим мужем?

— Мы встретились с Лучо, когда мне было 13 лет. Он приехал в северную провинцию, в мой родной городок Икике, преподавать в школе. Правда, его скоро выгнали с работы: коммунисты в учителях тогда не задерживались.

Позднее он стал сотрудничать в партийной газете. А потом, через пять лет, партия направила меня на работу в редакцию, секретарем руководителя газеты. Так мы познакомились во второй раз.

Лучо всегда хвастался, что никогда не женится, что у него нет на это времени. Я решила доказать, что время найдется: не могла допустить, чтобы такой уважаемый человек остался холостым... Два месяца я работала секретарем шеф-редактора газеты товарища Лучо, получая зарплату. Остальные тридцать лет, по сей день, выполняю эти обязанности бесплатно. 14 декабря 1946 года была наша свадьба.

И, знаете, я очень счастлива. Моя жизнь рядом с ним красивая, несмотря на все испытания, выпавшие на нашу долю.

Мы показали пришедшие в редакцию письма наших читателей, адресованные товарищу Корвалану, полные солидарности: «Счастливы за вас! Желаем сил и мужества в борьбе! Верим в победу чилийского народа над силами фашизма!» Лили задумчиво перебирает конверты.

— Мне трудно подобрать слова, чтобы выразить чувство благодарности советским людям за их душевную отзывчивость, солидарность с чилийским народом. Мы никогда не забудем, что мой муж и его товарищи спаслись и получили свободу благодаря поддержке Советского Союза и международной солидарности.

Скоро Восьмое марта, и мне хочется поздравить всех советских подруг с успехами, которые радуют и вдохновляют всех честных женщин земли. И каждой пожелать новых достижений в работе, счастья в семье.

Мы уже прощались, когда пришел товарищ Луис Корвалан. Такой же, как на фотографии. Но разве самая точная фотография передаст этот веселый, очень острый и внимательный взгляд?

Он пожимал наши руки, а в ушах у нас звучали его слова, сказанные в первый день на московской земле:

— Для меня было бы очень приятно, если бы я мог пожать руки всем, поблагодарить каждого советского человека за огромную солидарность, проявленную к чилийскому народу.

— Как прошла беседа?—Он обнял жену за плечи.—Вы не спросили у Лили, почему она курит? Научилась, когда я был в тюрьме, а теперь не хочет бросать. Может, вы посодействуете?

Так, с улыбкой, они попрощались с нами. Человек, чье имя стало символом негибкой воли борца-коммуниста, и его жена, тоже коммунистка.

Т. КОСТЫГОВА

Фото Н. МАТОРИНА

Агнесса РОШКА

С тобой, страна берез

Твоими светлыми путями,
Страна берез,
Иду, спеша,
Сквозь бытия живое пламя,—
И приобщается душа
К желанной жатве
Долгожданной—
Зари,
Несущей злаков звон,
Любви
Безмерной, первожданной,
Нетленной до конца времен...
Причастна ко всему,
Что вечно,
Во времени растворено
С травой,
С песней бесконечной,
С листвою, опавшею давно.
И—происходит возвращенье
Побегов солнечных,
Плодов,
Полно особого значенья
Для чувств моих,
Души
И слов...

Святынь святыню—
Книгу братства—
Вздывая к первому лучу,
В ковер
Невиданно цветастый—
В ворота утра
Я стучу.
Я подымаю книгу эту,
Чьи, как поля весной,
Листы
Засеяны
И жаждут света
И ловят
Гимны высоты!

Тревожат мысли

Тревожат мысли:
Как мечтам простор—
Всем до единой—дать?..
Тревожат мысли:
Как вывести мечты
Из онеменья?
Дать им простор
И привести в движенье?
Чтоб не было такого положенья,
Что хоть одна состарится
В забвенье,—
Иначе все мечтанья—
Просто вздор!

Цвет абрикоса,
Что морозом схвачен,
Под стать мечте,
Сраженной неудачей.
Клад нераскрытый,
Что закопан где-то,
Сродни мечте,
Не увидавшей света...

Бездельнице подобна
одряхлевшей,
Орлу, чьи крылья
Вдруг оцепенели,
И певчей птице,
Так и не запевшей,—
Мечта, не проявившаяся в деле...

Тревожат мысли...
Рвутся к далям звездным,
Стремятся мысли
К глубине морей...
Торопят
И торопятся:
Скорей!—
К глубинам жизни,
Ведь еще не поздно!..
Пока в бессилье
Крылья не повисли...

Недремлющие в созиданье
Мысли!..

Перевела с молдавского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Ткачиха Ленинабадского ордена Трудового Красного Знамени шелкового комбината Махфират Додобаева вырабатывает атлас ходжентский — ткань, которая пользуется большой популярностью у женщин Средней Азии.

Делегат XXV съезда КПСС Махфират, запевала социалистического соревнования на комбинате, вместо шести станков, положенных по норме, обслуживает девять, и пятилет-

нее задание она обязалась выполнить за 2 года 11 месяцев.

Молодой коммунист Махфират своей активной жизненной позицией, деятельным участием в общественных делах завоевала такой авторитет, что земляки избрали ее своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Фото А. ГОСТЕВА.

Три автомобиля в минуту сходят с конвейера Волжского автозавода—686 тысяч в год. К ним еще нужно прибавить «Запорожцы», «КрАЗы», львовские автобусы, харьковские тракторы и тернопольские свеклоуборочные комбайны. Каждая из машин—это не только тысячи всевозможных деталей, это еще и две-три сотни метров проводов. Делает эти провода Каменец-Подольский кабельный завод. Делает отлично.

Качество. Сегодня мы все с большим вниманием всматриваемся в суть этого понятия и видим, что оно означает надежность, экономичность, эстетичность изделия, его способность конкурировать на мировом рынке. Другими словами, современность и техническое совершенство, нацеленность в завтрашний день. Как добиваются этого на Каменец-Подольском кабельном заводе?

Несколько лет назад появилось сообщение, что на испытаниях во Франции советский автомобиль «Жигули» успешно выдержал экзамен на соответствие основным международным нормам по автомобилям. Это значило также и то, что вся электропроводка «Жигулей», которую сделал Каменец-Подольский кабельный завод, соответствует современным скоростям машин, гарантирует безопасность, способна добросовестно служить весь срок жизни автомобиля, кстати, более долговечного, чем многие зарубежные машины.

К тому времени с территории кабельного завода уже исчезли низкорослые строения и

Знак

все цеха собрались под одним стеклянным небом огромного производственного корпуса. Одновременно с реконструкцией здания установили новые станки, машины, полуавтоматические линии.

— Вы посмотрите и убедитесь: самый интересный и самый сложный на заводе цех—наш.

Я готова была согласиться с мастером участка первого цеха Петром Яковлевичем Ткачом, но как быть, если то же самое и с той же убежденностью доказывали мне во всех цехах? И все-таки первый цех—начало начал. Петр Яковлевич пригласил меня на «мостик»—поднятую на высоту второго этажа застекленную цеховую конторку, откуда весь цех как на ладони. Ряды волоочильных машин превращали толстую проволоку в красивые, по-новогоднему искрящиеся медные нити. Другие машины скручивали эти нити в неподвластные ломке, вибрации и перегибам прочные медные жилы. Пожалуй, интересней всего были автоматические линии, где медная токопроводящая жила одевалась в разноцветные изоляционные одежды. Таких линий одиннадцать. У начала линии стоит опрессовщик, у ее конца—перемотчица.

— Каждая перемотчица за смену должна принять 100-километров провода,—рассказывает о своем участке П. Я. Ткач.— Это как от нашего Каменца до центра области—Хмельницкого. А все вместе за смену можем и до Киева доехать,—смеется он. Мастер участка мыслит масштабами республиканскими, а инженер отдела главного технолога Л. Ф. Файзильберг—космическими. По его подсчетам,

Генефа Городецкая, одна из лучших скрутчиц цеха № 1 Каменец-Подольского кабельного завода.

Так выглядит цех № 2.

Фото Н. МАТОРИНА.

Комплектовщицы цеха № 3 (слева направо) Надежда Кохан, Наталья Боцеха, Мария Крецу, Надежда Жолкивская и Надежда Розумяк собирают провода для самой последней, 2106-й модели ВАЗа.

авторитета

годовой выпуск медной жилы можно измерить расстоянием от кабельного завода до Луны. Шутки шутками, но первый цех дает провода—основу основ всего заводского производства—не только в нужном количестве, но и отличного качества.

Гордость завода—новейшие конвейеры третьего цеха. Двигаются они непривычно—по кругу, напоминая карусель.

Здесь комплектуют в пучки разноцветные провода в таком порядке, в каком они будут работать в электрической сети автомобиля.

На участок я пришла за полчаса до начала смены. Но монтажницы собрались еще раньше, и участок напоминал не то улей, не то муравейник—женщины готовили все необходимое, раскладывая на своих рабочих местах провода, колодки, липкую ленту. Время! «Карусель» начала вращение. Только вместо деревянных лошадок на этой карусели-конвейере 24 стол-панели для сборки проводов. К Надежде Кохан, одной из самых опытных комплектовщиц, панель приходит совершенно чистой. Работница укрепляет на ней колодки, блоки и несколько розовых проводов. Все это делается на ходу—по дороге длиною в два метра, от одной нарисованной на полу черты до другой. Несколько точных движений—и Клава Сушанская к розовому прибавляет зеленый и черно-белый провода. Дальше Мария Крецу укладывает голубой и коричневый, надежно закрепляя их концы в колодки. Мелькают руки монтажниц. На столе-панели уже не отдельные провода, а пестрый букет—пучок проводов, которые нервами и артериями лягут в организм машины.

Мне рассказали, что пуск нового конвейера дался цеху нелегко. Комплектовщицы сбивались, конвейер то и дело выключали, не было нужной производительности, не было должного качества. Директор завода Юрий Михайлович Куприков в те дни утреннюю планерку

проводил прямо у нового конвейера. Пересматривалась технология сборки, уточнялась технология контроля, по секундомеру рассчитывалось время каждого движения и шага. «Сейчас вопрос о производительности труда на конвейере решен. И самая главная забота—качество пучка»,—сказала мне мастер отдела технического контроля Валентина Анатольевна Гром, грозная фамилия которой так не соответствует ее спокойному голосу и мягкому характеру.

Каждая работница хорошо знает: ее брак может обернуться несостоявшимся переключением скорости, невспыхнувшей фарой, короче, возможной аварией в пути. Ответственность за качество продукции воспитывается здесь, на кабельном, ежечасно. И средствами убеждения и системой организации дела. Что это значит?

Вернемся опять на конвейер-карусель. На определенном участке панель ждут двое—серьезная и строгая монтажница Наталья Боцеха и бригадир—восемнадцатилетняя Надежда Жолкивская. С помощью электронной системы, вмонтированной в каждую панель, они проверяют правильность собранной электросхемы. Одна за другой гаснут лампочки, сигнализируя о хорошем «самочувствии» каждого без исключения провода. Наконец, маршрут завершен, круг замкнулся, снят готовый пучок и дефектовщицы—члены той же бригады—за особым столом еще раз просматривают узлы проводов и, если обнаружатся дефекты, устраняют их. Здесь провод последний раз контролируют сами члены бригады. Дальше уже смотрит ОТК. Выдаст ли ОТК этим пучкам визу в Тольятти?

Контролер ОТК Галина Дубчак выбрала, казалось бы, наугад несколько пучков из конвейера. Окинула их наметанным глазом. Как ни привычен этот момент, мастер и вся бригада вздохнут спокойно только тогда, когда контролер поставит на предъявительной записке свой штамп.

— Сдать продукцию с первого предъявления—это цель каждой работницы, основа наших требований, главный принцип управления качеством,—объясняет мне Валентина Анатольевна Гром.

Я вижу, она очень внимательно следит за действиями контролеров у контейнеров с проводами. Вдруг по ее лицу скользнуло беспокойство. Прервав разговор, подошла к столу. Быстро поднялась одна из дефектовщиц, взяла из рук контролера жгут, еще не веря, что пропустила дефект. Надо же случиться—не заметила, что выскользнул из паза колодки конец какого-то, как выяснилось, недостаточно прочно закрепленного проводка.

— Что же будет теперь?—спросила я у Валентины Анатольевны Гром.

— Теперь контролер возвратит все сто пучков дефектовщице, и она должна будет снова проверить их... в свободное от работы время.

Здесь свято выполняется одно из главных условий заводского стандарта на бездефектное изготовление продукции: «...готовое изделие предъявляется на проверку в ОТК только после проверки его самим исполнителем и мастером». Все подчинено тому, чтобы сам человек был себе главным контролером и не только не мог, но и не хотел скрывать изъяны в своей работе.

Если бы дефектовщица исправила брак сама, партия считалась бы принятой «с первого предъявления». Но брак обнаружен ОТК. Теперь партию придется предъявлять «по второму разу». И на доске показателей бригады против одной (а случается, и нескольких фамилий) появится клеточка, заштрихованная синим карандашом. «Синяк»—так многозначительно именуют этот злополучный «знак некачества». За «синяк» почти всегда снимается надбавка к зарплате. Но явно не из-за страха перед материальным наказанием расплакалась сейчас тоненькая девушка в аккуратном рабочем халатике с кружевным воротничком.

Мастер ОТК Валентина Гром (слева) и контролер Надежда Хохлова.

— Никто из нас, девчат, не будет реветь из-за денег, — нам зарплаты хватает, — объяснила состояние подруги бригадир Надежда Жолкивская. — А вот соберется совет бригады, твои же товарищи, и даже если ругать не будут, все равно стыдно... Ведь твой брак — шаг назад в соревновании, потеря для бригады каких-то долей процента качества работы. И главное — у нас такой завод! Вся страна знает о нем...

А теперь предположим (к счастью, не случилось на всем заводе конкретного факта для примера), что не принята продукция и со второго предъявления. Третье предъявление производится уже не мастером, а начальником цеха по письменному разрешению директора.

Нелегкое это дело — борьба за качество. И не обходится здесь без «синяков» и шишек. Но «синяки» остаются здесь, в Каменец-Подольске, в синих клеточках досок показателей, а потребителям уходят отличные провода. Именно поэтому 79 процентов продукции здесь имеют Знак качества, 99,7 процента сдаются с первого предъявления.

...«Не каждый может выдержать нашу доброту и нашу требовательность». Эту интересную фразу я услышала на участке мастера Людмилы Анатольевны Тернавской. Здесь комплектуются малые пучки электропроводки для спидометров, манометров, сигнала поворотов и других приборов, установленных на автомобилях ВАЗа. Коллектив на участке сложился крепкий. Из семидесяти работниц у половины — личный штамп. В том числе и у Анны Владимировны Кобзарь.

Анна Владимировна, наверно, простит меня, если я расскажу, что не всегда дела ее обстояли так хорошо, как сейчас. Прежде контролеры часто браковали ее работу. Что было тому причиной? Неопытность? Неумение? Может быть. Но она старалась и не могла примириться с тем, что ее старания ничего не дают. Она нервничала, спорила: «Не может быть, не мой брак». Контролеры договорились — проверять продукцию Кобзарь только в ее присутствии. И вот тут-то она поняла, что слишком много делала себе послаблений. Как это чаще всего бывает, с критического отношения к себе и начался перелом. Брак у Кобзарь стал незначительным, а потом и вовсе исчез. Как раз в это время на участке Тернавской готовилось большое торжество: лучшим работницам, которые уже полгода не имели замечаний от ОТК, собрались вручить личные штампы, дающие право удостоверить качество своей продукции. Когда обсуждали, кому да-

вать личное клеймо, особенно много споров было вокруг Кобзарь. Ведь клеймо, хоть и называется личным, на самом деле бригадное — у всех 35 «отличников» оно одинаковое по форме. Допустит брак один человек — авторитет теряет вся бригада... Мне говорили, когда Анну Владимировну назвали в числе тех, кому вручается «штамп доверия», у нее было такое радостное, такое счастливое лицо!

Но и здесь есть свои «синяки». Запомнился такой случай. Я оказалась в смене Тернавской в день зарплаты. На столах лежали расчетные книжки работниц, и я попросила разрешения заглянуть в них. Я знала, что существует большая — почти десять рублей — надбавка за личное клеймо. Но что такое? Вместо указанной суммы у всех, кто работает с личным клеймом, стоял прочерк.

А произошло вот что. На стеллажах, куда складывается собранная за смену продукция, Тернавская обнаружила две связки проводов с грубым браком — не с той стороны были поставлены изоляционные прокладки. По-разному могла поступить мастер. Могла вернуть брак на переделку — и никто бы о нем не узнал. Но на пучках стояли штампы «отличников». И хотя она точно знала, кто именно из 35 человек допустил брак, премии лишились все, ведь под сомнение был поставлен сам авторитет личного клейма.

— Не такой у меня характер, чтобы прикрывать брак, — спокойно сказала Тернавская. — И не тому меня учили в цехе. Хорошо знаю: подобное укрывательство может обернуться только бедой. Ни одной работнице не пришло в голову, что я могла бы поступить как-то по-другому, либеральной, что ли, — продолжала мастер. — Честное слово, меня бы просто не поняли, потеряли бы ко мне уважение. Никто из работниц и не спросил, почему нет надбавки за личное клеймо. Один допустил брак — ответственность за него коллективная. К требовательности мы так же привыкли, как привыкают к яркому свету и чистому воздуху. И молчаливое осуждение бригады — лучший урок и предостережение тем, кто допустил брак.

Требовательность, бескомпромиссность, самокритичное отношение к делу — это я почувствовала в первый же день пребывания на заводе, попав на заседание парткома. Шел острый разговор о недостаточном эффективном использовании сырья. На черной доске резким укором белели листки фотообвинений. Любовь Ивановна Букевич, начальник БРИЗа и бесменный председатель заводской группы народного контроля, взволнованно говорила о

плохом хранении дорогостоящего пластика, о необходимости вести учет отхода материалов на каждом рабочем месте. И, слушая ее, я думала о крепкой связи, которая существует между надежностью автомашины и принципиальностью этой женщины, защищавшей от «гибели» провода-«недомерки» и рассыпанные крупы пластической массы, как личные ценности.

Множество факторов влияет на качество продукции, которую выпускает Каменец-Подольский кабельный завод. Здесь и хорошие условия труда, и совершенная техника, и прогрессивная система управления. Все вместе создает такую атмосферу, при которой человек хочет и старается работать хорошо. Это рождает ощущение собственной необходимости заводу, цеху, товарищам. Чувство собственного достоинства. Ощущение причастности к большому государственному делу. Человек самоутверждается, находит себя и свою цель в жизни.

Не последнюю роль играют и материальные стимулы. Завод перешел на новую систему оплаты труда, фонд материального поощрения увеличился за счет надбавок за продукцию со Знаком качества.

Запомнилась мне беседа с работницами 2-го цеха из бригады Татьяны Дмитриевны Соловьевой. О многом рассказали мне женщины — и о том, как добивались отличного качества проводов, которые они делают для заводов Украины, и о том, что среднемесячная зарплата каждой работницы возросла за год со 109 до 141 рубля. Ровно в 10 раз выросла за год сумма премий, полученных бригадой. Говорили и о том, что за последние пять лет завод построил четыре жилых дома, бытового корпус и два зала столовой, решил проблему с устройством ребят в детские сады и ясли, собирается открывать спортзал, новый клуб и строит девятиэтажное общежитие. Рассказывали мне, как хорошо отдыхать в уютных домиках заводской турбазы на берегу Черного моря. Не помню, кто сказал тогда — совсем юная штамповщица Валя Земляк или ее наставница Галина Ивановна Ковалева, — что не только в отпуске, но и за два выходных дня они успевают соскучиться по бригаде: «В понедельник на работу идем с радостью...»

Все это тоже имеет прямое отношение к тому, что на кабельном заводе объем производства за девятое пятилетие увеличился в 3,3 раза, что выросла производительность труда, высоким стало качество продукции. Этот завод среди лучших заводов страны назвал Л. И. Брежнев в своей речи на октябрьском (1976 год) Пленуме ЦК КПСС.

...Если бы Каменец-Подольский кабельный завод устроил выставку своей продукции, то среди сотен проводов разного цвета и сечения мы легко выделили бы тонкие, прозрачные проводки с едва заметным металлическим витком с одной стороны и мизерным приемным устройством электрических сигналов тока — с другой. Они делаются в специальном конструкторском бюро при заводе по заказу медицинских учреждений. Это провода-электроды — стимуляторы, помощники сердца. Пока только сердца. Но я была свидетелем, как заведующий отделом СКБ П. Ф. Ярмилко и старший инженер О. А. Сербина подписывали договор о творческом содружестве с Киевским НИИ нейрохирургии по разработке комплекса проводов-электродов для диагностики и лечения заболевания мозга.

Если из всех заводов, делающих в стране кабель и провода, единственный, кому доверили такую работу, — Каменец-Подольский, значит, на нем трудятся ответственные люди. Почетный пятигранник качества на изделиях завода — знак их высокого профессионального авторитета.

А. ДИХТЯРЬ

Из писательского дневника

В. П. Марецкая

Я счастлива представить читателям журнала, который давно люблю и регулярно читаю, кинодраматурга и писательницу, лауреата Государственных премий Марию Николаевну Смирнову.

Мы старые друзья. Были знакомы еще до войны, но по-настоящему подружились в эвакуации, где жили бок о бок, помогая друг другу пережить трудные годы.

А по возвращении в Москву Мария Николаевна создала талантливый сценарий, в котором специально для меня была написана роль Вареньки, сначала совсем юной, а потом — пожилой, опытной учительницы. Да, да, имею в виду «Сельскую учительницу», фильм, вошедший в золотой фонд нашей советской кинематографии. Мне посчастливилось одной из первых прочитать сценарий, и я тут же влюбилась в эту сильную духом, готовую на подвиг во имя будущего девушку.

Вся наша съемочная группа

во главе с режиссером Марком Донским и оператором Сергеем Урусевским с увлечением и трепетом работала над фильмом. Каждую сцену мы обсуждали с Марией Николаевной. Творческое общение с ней было сплошным удовольствием. Мария Николаевна работала необыкновенно быстро и охотно шла навстречу тем из наших пожеланий, которые, по ее мнению, не могли повредить ее первоначальному замыслу.

Со дня выхода «Сельской учительницы» прошло немало лет, а ко мне до сих пор идут письма со всех уголков страны, где меня называют то Варенькой, то дорогой учительницей.

Но настоящей учительницей как раз была Мария Николаевна Смирнова. Закончив в Самаре единую трудовую школу, она уехала в село, расположенное по соседству с совхозом, где жили ее родители. Учительствовала там и одновременно писала пьесы-агитки для сельских комсомольцев. А потом вдруг по секрету от родных сбежала в Москву учиться. Жила впроголодь, ночевала где придется и готова была мириться с еще горшими испытаниями, лишь бы получить настоящее образование.

Она одновременно сдавала экзамены в театральное училище имени Луначарского, в школу-студию МХАТа и в Институт кинематографии. И всюду была принята, но пошла учиться на актерский факультет ГИКа.

На третьем курсе сам Протазанов предложил ей снимать

ся в его картине, а Мария Николаевна уже в ту пору понимала, что ей легче написать сценку для студенческого вечера, чем произносить чужой текст самой, и отказалась.

Первым сценарием молодого кинодраматурга был «Ее путь», рассказывающий о крестьянке, севшей на коня, чтобы воевать за Советскую власть.

Второй фильм, снятый по сценарию М. Н. Смирновой, назывался «Песчаная учительница». Героиня его — девушка-туркменка, убежавшая из родного аула в город, чтобы вернуться к своим землякам учительницей. Но ее собственный отец и баи во главе с муллою прогнали девушку в Каракумскую пустыню, где она, изнемогая от жажды, мечтает о цветущем городе будущего.

Следующий сценарий, «Медвежий угол», посвященный комсомольцам далекой таежной станции, получил первую премию на Ленинградском конкурсе сценаристов.

Потом появился сценарий «Бабы», о рыбаках Каспия, также удостоенный первой премии, только теперь на Всесоюзном конкурсе. В фильме, снятом по этому сценарию, одну из заглавных ролей сыграла Алла Константиновна Тарасова. Затем была «Сельская учительница», о которой я уже говорила.

С того момента, как наша дружба с Марией Николаевной была скреплена еще и совместной работой, я навсегда стала поклонницей ее дарования.

М. Н. Смирнова

Радовал успех экранизированной ею «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, снятых по ее сценариям фильмов «Сельский врач», «Полюшко-поле», «Хождение за три моря»...

Мария Николаевна пишет только о том, что хорошо знает, что не только увидела, но и прочувствовала. А видит зорко и пронзительно. Любит и жизнь и людей. Потому, наверное, человечность — главная черта ее творчества.

Совсем недавно я прочитала по радио цикл небольших рассказов Марии Николаевны. Знали бы вы, как горячо откликнулись на них слушатели!

Тешу себя надеждой, что и те короткие новеллы, зарисовки и просто мысли по разным поводам, которые публикует сегодня «Работница», не оставят читателя равнодушным.

Вера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР,
Герой Социалистического
Труда

Мария СМИРНОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО

Талисман

Под Аккерманом на хуторе у дяди жила девочка — племянница Вера Балюнас. Она ходила за пчелами, за виноградом, снимала червей, напавших в тот год на их сад. Щеки ее были похожи на яблоки. Смуглая, пропахшая медом. Черные огромные глаза.

Впервые она попала в симферопольский театр на «Черную пантеру» с участием провинциальной дивы Полевицкой. Полевицкая играла с надрывом. Она сразила девочку своей игрой, лишила ее сна и поселила в сердце мечту попасть на сцену. Для этого девочка выучила тургеневские «Как хороши, как свежи были розы» и «Море» Вейнберга. Она читала эти стихи на пчельнике, изо всех сил стараясь быть похожей на Полевицкую. А когда ей казалось, что это удастся, она плакала от счастья и не замечала, как ее кусали пчелы, и, конечно же, переставала снимать с виноград-

ных листьев зеленых червей, яростно обгладывавших сад. Она решила уехать в Москву. Но прежде надо было обязательно купить на базаре «румынки» — щеголеватые ботиночки на высоком каблучке. Она точно знала, что в этих «румынках» она завоюет театр, потому что никто не может устоять против девичьей ножки, поставленной на такой высокий каблук. Никто!

Она в конце концов купила «румынки», положила их в корзину как талисман, надела на голову соломенную шляпку и отправилась. Три недели добиралась она до Москвы без билета, упрашивая кондукторов. Питалась кое-как.

Наконец Москва. Ни души знакомых. Пошла скитаться по улицам, читая афиши и крепко держа в руках корзинку со своим талисманом. И вот Арбат. Афиша Третьей студии о наборе студентов.

Вошла, спросила первого попавшегося человека об экзаменах, и он сказал:

— Идите и сдавайте.

— Но я должна переобуться.

— Зачем? Сдавайте так.

— Я не могу так... мне надо.— Она хотела объяснить, почему «надо», но увидела, что все собравшиеся в вестибюле бросились к дверям, и поняла, что ей тоже надо с ними.

— Пропаду,— успела подумать она и, сдав корзинку на вешалку, вошла в огромную комнату, где собрались желающие сдавать. Вызывать начали сразу же. Некоторое время из-за дверей доносились звуки монологов, вкриков, и вдруг как удар в сердце: ее фамилия.

И вот она стоит посредине зала, и ее в упор рассматривает невыразимо красивый человек с большим перстнем на пальце. Потрясенная изысканностью его костюма, мистическим знаком перстня и, главное, красотой бледного лица, она молчит.

Ее просят снять шляпу. Она срывает ее с головы и с силой швыряет куда-то за спину. Та шлепается на чью-то голову. Короткий смех.

— Читайте,— мягко приказывает красавец.

Девочка становится в самую эффектную из всех поз, которые она видела у Полевицкой, трагически сдвигает брови и начинает голосом, полным надлома и тоски:

— Как хороши, как свежи были розы...

Ей не дают дочитать до половины.

— Следующее,— приказывает красавец.

— «Море»,— начинает она.

Первые две строки... И жест рукой: довольно.

«Ну, ясно,— с ужасом подумала она,— я не надела «румынки»... все пропало».

Тогда сидящий чуть в стороне за столиком человек поднял от бумаг усталое лицо и сказал:

— Если вы за два месяца исправите дикцию, мы вас примем.— И, оглянувшись на красавца, добавил:— Дадим ее Шухминой.— И к девочке:— Вы свободны...

Она подпрыгнула, как мячик, и пулей вылетела из зала. Только на улице вспомнила о корзинке с «талисманом». Остановилась... «Меня приняли без «них»?— поразилась она.— Значит, «они» не волшебные? Значит, я сама кое-что стою... Сама!»

У нее перехватило горло от счастья. Она смотрела на свои маленькие ноги в рваных тапках, которые крепко стояли на асфальтовом тротуаре, и улыбалась. Улыбалась проходим, улице, городу. Тогда она не подозревала, что через много лет подъемов и падений, радостей и разочарований, ударов судьбы и их преодолений она достигнет многого, даже станет ведущим режиссером. Но полноты того счастья, с которым она тогда выбежала из студии на улицу, ей ни разу не доведется испытать.

Сосна

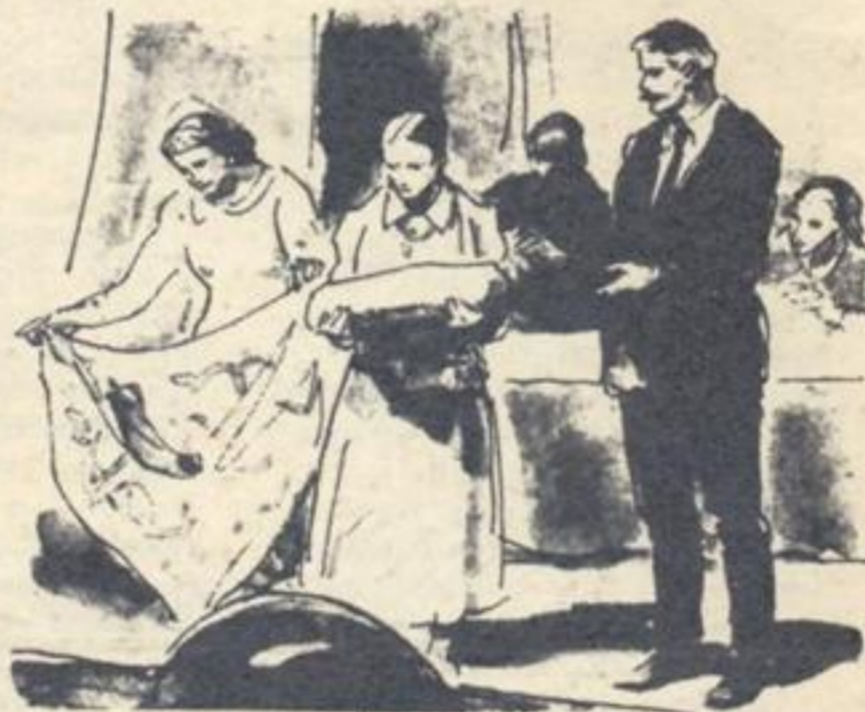
И одно дерево не может так величественно молчать, как сосна. Ствол, снизу серый, постепенно переходит в янтарь. Голова упирается в небо. Лето в самом зените, но где-то угадывается начало умирания. Снуют

какие-то подозрительные ветерки. Пролетят и скроются. Осыпается малина... Кое-где мелькнет ржавчина на лепестках георгинов. Море шумит по ночам, а в лесу, как на полке. Томно. Душно. Уже поспеваает брусника. Воздух настоян на сосне.

Прощание

Проплывает часовня шестнадцатого века, в которой расположена парикмахерская. Приближается маленькая пристань. Здесь пароход будет стоять считанные минуты. Поэтому так мчатся желающие попасть на него люди. Впереди всех мужик с бабой. Оба несут тяжелые мешки. И вдруг, не доходя до сходен, как по команде, они останавливаются. Разом ставят на землю мешки. Тяжело дыша, глядят друг другу в глаза. Потом он с неизъяснимой нежностью берет в свои грубые, заскорузлые ладони ее лицо и целует его, целует. Все это длится несколько секунд. Потом они быстро взваливают на плечи ношу, бегут по сходням. Он кидает ей на палубу мешок и бежит обратно, потому что уже выдергивают сходни чуть не из-под его ног.

А она стоит, глядит на него, отплывая... И столько любви в ее взгляде и столько грусти.

Премии

Торжественное собрание на Октябрьскую. Выступления-компликации из газетных вырезок, читаемые по тетрадкам.

Светлым пятном на этом фоне выделялся председатель колхоза «Красный рост». Высокий, одиорукий, с усталым, глуховатым голосом.

Ему не нужно было читать газетные фразы. Он знал свое дело, своих людей. Он помнил дела колхоза и просто и ясно рапортовал. Сделали в этом году то-то и то-то. Золотой сибирской пшенички (не пшеницы) ссыпали государству столько-то.

Он говорил об этой «пшеничке», как о любимой дочери, с гордостью и нежностью. Он не заглядывал в шпаргалку, называя людей своего колхоза, зная их так же хорошо, как мы знаем своих братьев и сестер. Он вручал им премии—подсвинка, шаль, пальто, костюм, гармонь.

Оценивал работу мягко и вместе с тем празднично.

Награжденные принимали подарки по-разному. Одни испытывали смущение и выходили робко, чувствовалось, что у них деревенели руки, бравшие премию. Другие шли с горделивым достоинством. Третьи—открыто радуясь, помахиывая наградой, четвертые лукаво подмигивали. А две женщины, когда назвали их имена, просто остолбенели, и их пришлось силой вытолкать на сцену. Молодой парень, получив визжащего подсвинка, ушел вприсядку. Это вызывало в зале восторг и такую бурю оваций, что, казалось, рухнут стены.

Блаженство

Переделкино. Когда идешь ночью к своему домику, поражает красота неба. Глубокое, в звездах. Верхушки сосен словно овеивают их. Воздух сухой и холодный. Золотой свет из окон лежит на снегу. А я думаю о словах. Узнаю корни слов, как милых сердцу людей, и радуюсь им. Чудесно выражают они состояние души и природы.

Утром проснулась, а за окном будто гусей щиплют, такой падает с неба пух.

Если бы меня сейчас спросили: «Что ты делаешь?»—я бы ответила: «Блаженствую». Сосны стоят как вкопанные.

Воспоминание

Бывают воспоминания черные, как осенняя ночь.

Почему-то сейчас, когда я оканываю в своем саду цветы и дивлюсь красоте упоительного летнего дня, вдруг в памяти всплывает война. Наш театр был эвакуирован на Кавказ. Наступали немцы, и все мы должны были копать противотанковые рвы. И там, под беспощадным небом, которое опрокидывало на нас холодный дождь, мы с пяти утра и до восьми вечера копали землю.

Все, чем жили мы раньше: искусство, комфорт, мысли о книгах, о красоте одежды и жилища, о любви,—все это поглотила война, рытье земли под проливным дождем и ветром, пронизывающим до костей. Мы думали только о каше, которую нам давали три раза в день, да о наступающих немецких танках. Чтобы мы не заоченели, нам выдавали водку. Помню, один раз, когда было особенно холодно, а немецкие танки подошли совсем близко, вместо положенных двухсот граммов выдали триста. Мы опьянели совершенно, и кто-то запел «Тает снег в Ростове, тает в Таганроге», а я стала плакать. Как я тогда плакала!

Мы шли домой восемь километров по такой грязи, что ног не вытащить. Григорий Васильевич говорил мне:

— Душенька, теперь я пойду быстрее, чтобы успеть встретить тебя дома.—И уходил.

Через час добиралась домой и я. Он встречал меня улыбкой деликатной и милой, кидался меня разувать.

Жег оставленные хозяевами книги в красивых, дорогих переплетах и грел воду, чтоб я помылась.

— Милый,—говорила я,—неужели это когда-нибудь кончится?

Кончилось.

А Григория Васильевича нет в живых.

Осень

В тот год лето в Вайвори держалось долго. Стояли золотые дни. Сад был великолепен. Георгины—выше человеческого роста—гордились своею поздней яркой красотой. По-летнему пахла земля. Огненные треугольники клумб с настурциями горели так, что казалось—протяни руку и почувствуешь прикосновение пламени. Солнце грело щедро и горячо. Все как бы сговорилось не напоминать об увядании. А к вечеру вдруг потянуло холодом, будто кто-то открыл двери в склеп. Подул ветер. Тревожно зашумело море, хрустнула и повисла ветка на груше. Сорвалась с крючка ставня, вихрем полетели с деревьев листья и понеслись, понеслись сквозь изгородь. Хлестнул дождь и стих. И снова ударил ветер, сначала только с моря, потом одновременно со всех сторон. Целая свора ветров стала швырять, ломать и рвать в клочья сад. Темнота обрушилась, как несчастье, казалось, не будет ей конца. Хлестал по крыше дождь, торкался в ставни, завывал в трубе. Потом все утихло, и медленно, трудно стало светать. Уже можно было разглядеть сад и землю на грядках в белесом, водянистом инее. И все в природе стояло, напряженно вытянувшись: и цветы, и стебли, и листья. Потом показалось солнце, и все странно зашевелилось и стало клониться к земле и чернеть.

Так началась осень.

Работа превыше всего

Я пришла к Белле в полном отчаянии. Вычеркнули из сценария почти готовую картину. Она взяла мои руки в свои и стала говорить мне слова, которые на всю жизнь остались в моей памяти.

— Когда вы поймете, Маша, что никакой труд никогда не пропадает даром, вам будет уверенней жить и работать. Не верьте, если вам кажется, что все погибло! Это ступень вверх, несмотря ни на что, ступень вверх! Поверьте. Я старше вас... Ошибка—это тоже приобретение. Не бойтесь неудач и ошибок, Маша. Вставляйте и идите дальше! Работайте. Работа превыше всего, что есть на земле. Это основа основ.

Эти слова я проверила жизнью. И поэтому всегда повторяла их своим ученикам.

СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
7 ПОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИЗНЬ, КАК ПЕСНЯ

В нашей стране успешно решена социальная задача огромной исторической значимости—на деле обеспечено подлинное равноправие женщины. Советские женщины играют большую роль во всех сферах общественной жизни. Весь советский народ отдает безграничную дань уважения женщине-матери, женщине-труженице, женщине—активной участнице коммунистического строительства.

Из Постановления ЦК КПСС
«О 60-й годовщине
Великой Октябрьской
социалистической революции».

Есть люди, однажды встретившись с которыми уже знаешь наверняка, что не расстанешься никогда: так велика сила их обаяния, так увлекательны дела, так притягательны движения души...

И есть города, побывав в которых—хотя и несколько дней—ты знаешь: они останутся в памяти до тех пор, пока живешь.

Город, с которым мне так не хотелось расставаться, где не прошли, а промчались дни моей командировки, в туристских проспектах описывается как «самый зеленый и живописный город Узбекской республики, красиво распланированный, с обилием скверов и тенистых парков, с аллеями вдоль улиц, над которыми смыкаются кроны высоких деревьев».

Могу свидетельствовать: ничего в проспектах не прибавлено. И хотя я увидела Фергану зимним днем—с оголившимися тополями и акациями, все равно она была прекрасна в лучах южного солнца, под небом удивительной синевы. Когда-то город называли спящей красавицей. Но только ли потому, что глубокую чашу его зеленого глаза надежно прикрывают веки каменных гор? Думается, нет. Он лишь казался спокойным, этот город. За глухими дувалами узбекских домов разыгрывалось множество трагедий, гибли поруганные, затопанные женские жизни... И не к кому было воззвать, не у кого было искать защиты бесправным затворницам ичкари.

Иду по прекрасному современному городу... Читаю таблички: «Улица Умринисо Узакбаевой, улица Саиды Шакировой, улица Хафизы Ибрагимовой, улица Елизаветы Нетесовой...» В названиях улиц—женские имена. Кто эти женщины? Почему и сегодня они живут в памяти людей?

Трудной была для женщин Средней Азии дорога к новой жизни. Советский закон объявил женщину равноправной, свободной. Но здесь, на Востоке, еще господствовали патриархально-родовые и феодальные отношения, властвовали бесчеловечные законы и обычаи—адат и шариат. Необходимо было сломить сопротивление реакционных сил, пытавшихся закрепить рабское положение женщин. Особенно жестокой была эта борьба тут, в Ферганской долине, в центре борьбы с басмачеством. В годы гражданской войны здесь находился штаб Ферганского фронта. Летом 1920 года в Фергане был командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. Легендарный командарм считал раскрепощение женщин Востока важнейшим партийным делом. Он выступал на первых конференциях женщин Востока, откомандировывал из армии коммунисток для работы среди восточниц.

В названиях ферганских улиц—имена тех женщин, кто первыми без страха и сомнений вступили в бой за светлую и достойную жизнь, за советскую новь.

* * *

Среди тех, кто нес за высокие, глухие дувалы дыхание свободы и, не боясь угроз религиозных фанатиков, проникал на женские половины домов, кто помогал забытым узбечкам узнавать правду о советских законах, была русская коммунистка Елизавета Нетесова. Вместе с мужем-большевиком, прославленным командиром партизанского отряда А. И. Юфимцем, сражалась она с басмачами, работала в ЧК, состояла в ЧОНе. Уроженка Ферганы, она в совершенстве владела узбекским языком, и это помогало в работе среди женщин. В нее стреляли. Грозилась выколоть глаза. Травили собаками. Ничто ее не испугало и не остановило.

Сотни узбечек, поверив ее жаркому, правдивому слову, срывали с себя паранджу, шли в женский клуб, в ликбез, становились делегатками.

«...Площадь перед разрушенной церковью. Собрались сотни женщин. Многие еще в парандже. А те, кто снял ее, по привычке закрывают лицо руками. Идет митинг. И там, далеко, на трибуне,

Работники женотдела Маргиланского горкома партии. Во втором ряду справа Елизавета Нетесова.

Снимок 1925 года.

выступает мама,— вспоминает старшая дочь Нетесовой, Майя Антонова.— Я все смотрю на ее косынку, на это яркое пятно среди темных одежд, и очень горжусь мамой. Горжусь, что она ведет за собой этих женщин, руководит женским клубом. И наш дом был филиалом клуба. Не помню в детстве дня, чтобы у нас не было гостей: то мама приютит какую-либо девочку-узбечку, то кто-то забежит посоветоваться, а кто-то и просто так — послушать, о чем говорят. И при этом мама как-то умудрялась быть хорошей хозяйкой: она прекрасно готовила, вязала, шила, вышивала. И всему этому научила нас. Когда собирались друзья матери и отца, звучали песни. Запевалой, конечно, была мама».

У Елизаветы Петровны Нетесовой, женорга горкома партии, было пятеро детей... Если едет в район, одного или двоих прихватывает с собой, а остальных посадит в корзину и оттащит волоком к соседке: «Родная, присмотри...» Никто из узбекских подруг никогда не отказывал ей. А случалось, и в горком принесет своего ребенка. Выдвинет ящик стола, положит туда, он и спит. Если проснется, заплачет — покормит... И переходит он с рук на руки, от одной посетительницы к другой, пока Лизахон устраивает их просьбы и дела. А дел было множество.

Женотдел выступал защитником женщин в судах, воевал против калыма, продажи малолетних невест, защищал интересы женщин при распределении воды и поливных земель. Декрет Советской власти о земельной и водной реформе давал женщинам право на землю и воду. Но с этим не хотели мириться баи и кулаки, муллы и религиозные фанатики. Новое рождалось в жестоких битвах.

Передо мной неопубликованное письмо А. М. Коллонтай: «Мы требуем не просто равенства, мы требуем, чтобы женщина могла проявить все те особенности, которые ей свойственны, широко за пределами семьи. Обогащая культуру и общественную жизнь именно теми данными, чувствами, способностями, которые присущи женщине», — писала Александра Михайловна в 1924 году Серафиме Тимофеевне Любимовой, заведующей женотделом ЦК Коммунистической партии Туркестана и Средазбюро ЦК ВКП(б).

Это была трудная задача. Приходилось преодолевать презрительное отношение к женщинам даже среди коммунистов. С. Т. Любимова позже вспоминала: «Работники женотделов жаловались на отсутствие внимания и поддержки в работе со стороны отдельных работников партийных комитетов. И жаловались они не без основания. Вот один из таких вопиющих документов.

«Прошу разрешить мне выдать стол и стул, так как я не могу до 3 часов простаивать на ногах», — писала заведующая Ак-Мечетским уездным женотделом секретарю укома партии. На заявлении резолюция секретаря: «Отказать. Сама ты и твоя работа не стоят того, что извела на бумагу для заявления».

Борьба за раскрепощение женщин, подрывавшая корни классового угнетения бедноты, вызывала самое ожесточенное сопротивление врагов революции. Только в 1928 году врагами Советской власти и религиозными фанатиками в Узбекистане было зверски убито 226 женщин-активисток.

Недалеко от Ферганы, в городе Маргилане, была убита родным братом по приказанию фанатичного отца и муллы шестнадцатилетняя певица Нурхон Юлдашходжаева. Убита только за то, что, выступая на сцене, смело открыла свое лицо, сбросив паранджу.

Нетесову миновала эта страшная доля. Все ее дети выросли, выучились. Сын — полковник, служит в танковых частях. Три дочери — медицинские работники. А вот старший сын, лейтенант-минометчик, погиб под Харьковом, защищая Родину от фашистов.

В первый послевоенный отпуск поехала Елизавета Петровна на Украину. Но не нашла могилы сына. Встретившаяся ей женщина горько сказала: «Где бугорок найдешь, над ним

и плачь. Везде братские могилы». И плакала и кланялась она над каждым бугорком.

Но жизнь дарила ей и радости. Они помогали побороть тяжелое горе. Стала известным историком, защитила диссертацию ее любимая воспитанница, одна из первых комсомолок Ферганы, Фатима Юлдашбаева. Как гордилась Нетесова ее успехами, как ликовала! И Фатима по сей день хранит память о Лизахон-опа, как уважительно звали ее узбеки. «Я не покривлю душой, если скажу, что она была для меня второй матерью. Не только мне помогла она стать человеком, свободным от предрассудков прошлого, — пишет Юлдашбаева в книге «Моя судьба». — Многим моим подругам и сверстницам дала путевку в жизнь эта щедрая на любовь и ласку простая русская женщина».

Улица, которой теперь дано имя Елизаветы Нетесовой, расположена в районе Ферганского текстильного комбината. Она еще юная, эта улица, ей всего-то восемь лет. Но она весело глядит в будущее десятками окон, за каждым из которых бурлит и радуется жизнь.

Заглянем в один из домов. Шестеро детей у помощника мастера 2-го ткацкого производства текстильного комбината Арипа Обидова и его жены Ибодад, работницы комбината. Трое старших — студенты, трое младших — сын и две дочери — учатся в школе.

Улица Нетесовой выводит нас к школе, где обучается более тысячи ребят. А всего в Фергане двадцать три средние школы, три интерната, пять школ рабочей молодежи, пять техникумов, три высших учебных заведения, музыкальное училище, восемь технических, двадцать две библиотеки...

Арип Обидов получил профессию в учебном комбинате производства. На той самой учебной базе, которую в тридцатых годах создавала Елизавета Петровна Нетесова. Республиканскому первенцу текстильной промышленности нужны были национальные кадры. Надо было учиться перерабатывать хлопок.

Сегодня на текстильном комбинате трудятся более пяти тысяч женщин — работниц, техников, инженеров. Недавно ферганская газета писала о замечательном почине прядильщицы, делегата XXV съезда КПСС Ш. Мирзабабаевой, обязавшейся выполнить к шестидесятилетию юбилею Октября два годовых плана.

А в 1930-м среди тех, кто пришел обучаться в школу ФЗУ текстильной фабрики, было всего две девушки... И никто не верил, что они смогут работать на сложных станках. Об этом рассказывает Саид Ибрагимович Абдуллаев, одним из первых окончивший ФЗУ. А привела его туда Лизахон-опа, которую он бесконечно уважал и слушал. Это под ее влиянием мать Саида сбросила паранджу и уехала учиться грамоте в Самарканд, чтобы потом учить других.

— Какой была Лизахон-опа? — переспрашивает он. — Неутомимая была. По-узбекски говорила, как мы. Не отличишь. Очень красиво владела нашим языком. Умела убедить...

Саид Абдуллаев по ее совету поступил в текстильный техникум, затем в институт. «Молодец,—говорила ему Лизахон-опа,—станешь хорошим специалистом. Время придет—директором будешь!»

— Как в воду глядела,—смеется мой собеседник.— Уже семнадцатый год директорствую на комбинате с ее легкой руки.— Помолчав, добавляет:— Мудрая она была. Человек иной раз не знает, на чем выбор свой остановить. А она знала.

... Два документа из тонкой папки, впитавшей многолетнюю архивную пыль: автобиография и анкета Умринисо Узакбаевой. Истонченные временем, хрупкие, пожелтевшие листки. Движения становятся бережными, когда прикасаешься к ним.

Строки из автобиографии:

«Родители мои были батраки, состояния никакого не имели. Семья из пяти человек. Жилось очень трудно. С 12 лет, после смерти отца, я вынуждена была поступить на гренажную фабрику в качестве поденной работницы, для собирания бабочек за 5 копеек в день. В 14 лет меня мать выдала замуж, также за батрака. С 16 лет мне снова пришлось работать на фабрике. Образования я совершенно не имела...»

Умринисо Узакбаева.

В 1917-м Умринисо шел уже четвертый десяток. Но она научилась читать и писать. Одной из первых узбечек сбросила паранджу. В 1920 году стала членом партии. Ее имя—в списках делегатов первой областной партийной конференции, в списках членов ЦИКа Туркестанской республики первого созыва.

Сначала ликбез. Потом рабфак. Совпартшкола. «Веду все время и домашнее образование,—сообщала она в анкете в конце двадцатых годов.— Умею читать и писать на русском языке. Работать буду там, куда меня назначат».

Ее назначили директором гренажного завода (грена—яйцо тутового шелкопряда). Того завода, где она когда-то работала поденщицей за пять копеек в день.

Шелководство (разведение и выкормка шелковичных червей) было в те годы исключительно женским занятием. Однако заключение трудовых договоров производилось только с главой семьи—мужчиной. И, разумеется, Умринисо решительно ломала этот несправедливый порядок. Теперь договор заключался с тем, кто непосредственно работал на заводе,—это были женщины, с ними и велось все денежные расчеты. Умринисо была не только администратором, но и политическим работником. Настойчиво и постоянно вела политическую работу среди работниц и среди мужчин, их родственников. Она учила их жить по-новому.

Теперь гренажный завод—известное в области предприятие. Полукустарные мастерские преобразованы в современное, хорошо оснащенное производство. Но реконструкция его выпала уже на долю другого директора, тоже женщины,—Саиды Шакировой. Именами этих двух директоров завода, коммунисток разных поколений,—Умринисо Узакбаевой и Саиды Шакировой, названы улицы в Фергане.

Чтобы рассказать мне о Саиде Шакировой (она была директором завода в последнее время), собралось много людей.

— ... Не жалела Саида себя в работе,—вздыхают женщины. И, глядя друг на друга, согласно кивают головами.— Не человек была, а огонь! И сгорела рано.

Она и не понимала, как это можно жалеть себя. С молоком матери—в буквальном смысле этих слов—впитывала Саида ту революционную страсть к справедливому переустройству жизни, которая смолоду выдвинула ее в число выдающихся женщин Узбекистана. Мать и дочь Шакировых знает не только Фергана.

Хайринисо Шакирова, мать Саиды, рано овдовев, с грудным младенцем на руках постигала грамоту на курсах ликбеза, вступила в партию,

работала в женотделе, участвовала в проведении земельной реформы в Ферганском уезде. На четвертом и пятом Всесоюзных съездах Советов она была избрана членом ЦИК СССР. Ее дочь, Саида, одной из первых в Фергане стала комсомолкой. Она вместе с матерью была

Хайринисо (слева) и Саида Шакировы сфотографировались с первым председателем ЦИК Узбекистана Юлдашем Ахунбабаевым.

делегаткой V съезда Советов Союза ССР. В 1936 году, во время работы X съезда комсомола, Саиде посчастливилось встретиться в Москве и разговаривать с Надеждой Константиновной Крупской...

Парторг гренажного завода Мунира Усманова с гордостью сказала мне, что рекомендацию в партию ей дала сама Саида Ахмедовна. «Вот я иной раз бегу по ее улице в Облшелк, а сама мысленно с ней разговариваю... Честное слово!»—призналась Мунира.

Нынешний директор гренажного завода Кучкар Тухтасынович Тухтасынов говорит о том, как Шакирова поднимала производство, о механизации трудоемких работ. Раньше коконы обирали руками, теперь это делает машина... Раньше бумагу эмульсировали вручную и сушили на веревках, словно пеленки, а теперь, пожалуйста, нажимайте кнопку...

Женщины настойчиво просят директора рассказать мне и о другом. И он, смущаясь, уступает им: «Прожили мы с женой уже немало лет, трое детей у нас, а если бы не Саида Ахмедовна, ни за что на свете не отдали бы родителю свою дочку за меня. Она городская, ташкентская, а я-то родом из кишлака... Сейчас это уже окраина нашего города. Совсем по-другому там теперь...»

Я видела, как старая узбечка, постояв возле дома на улице Шакировой, где прикреплен мемориальная доска, тихонько и ласково, словно дорогого ей человека, погладила доску рукой...

Сегодняшняя Фергана славит себя трудом. Она дарит народу прекрасные творения ума и рук своих дочерей. Я видела их портреты в музее трудовой славы Ферганского текстильного комбината имени Ф. Э. Дзержинского, во дворцах культуры, на городских площадях, в областном краеведческом музее...

Узбечка—профессор, инженер, знатный человек, Герой Социалистического Труда, народная артистка... Это вошло в нашу жизнь естественно, словно так было всегда.

Хафизе Ибрагимовой, заслуженной артистке Узбекской ССР, выступавшей на сцене театра музыкальной драмы и комедии в Фергане уже в наши дни, были созданы все условия для вдохновенного творчества. А вся ее жизнь была подвигом в искусстве и счастьем служения народу. Ферганцы любили Хафизу. Улица, на которой она жила, названа ее именем.

...В последний день перед отъездом мы с моими узбекскими подругами были в театре. Шла новогодняя сказка «Город без любви». И хотя у нее хороший конец, это очень грустная сказка, о чем говорит ее название. И мне не хочется о ней вспоминать. В моей памяти совсем другой город, совсем другие люди. Рожденные для того, чтобы радоваться и любить. Во имя этого жили, боролись те, чьи имена остались в сердцах их земляков, в названиях улиц.

Улицы Узакбаевой, Шакировой, Ибрагимовой, Нетесовой... Они расположены в разных частях города. Но судьбы замечательных женщин, имена которых носят улицы, тесно связаны, имеют прямое продолжение в нашем сегодня и завтра. Они горели неугасимой страстью общего справедливого дела. Их жизни были одухотворенны и высоки, как песня.

Л. КУЛИКОВА

Фотографии из фонда Ферганского областного краеведческого музея.

Лоранс. Фото из журнала «Антуанетт».

сотен тысяч молодых французенок, обивающих сегодня пороги агентств по найму, жадно изучающих газетные объявления, расспрашивающих всех знакомых и незнакомых, нет ли где свободного места.

А ведь когда Лоранс думала о будущей профессии, многие советовали ей выбрать занятие чисто женское, вот именно такое, как секретарство: меньше шансов остаться потом без работы. Правда, она мечтала быть переводчиком: в лице с удовольствием изучала иностранные языки, и давались они ей легко, но чтобы стать переводчиком, нужно овладеть языками много лет, обучение стоит дорого, а у семьи средств нет.

Но она бегло говорит на английском и немецком. После училища Лоранс прошла трехмесячную практику, которая очень помогла ей, как сама она считает, «войти» в профессию. Да, ей нравится профессия секретаря: он должен быть дисциплинированным, гибким, любезным, должен уметь улыбаться, всегда хорошо выглядеть... Только с одним Лоранс не согласна: многие считают, что секретарь — человек, которому ни к чему собственные мысли, идеи, он обязан лишь слепо подчиняться воле и требованиям хозяина. Она же видит в этом деле возможность проявлять и инициативу, самостоятельность.

— Надеешься ли ты найти работу, соответствующую твоим желаниям? — такой вопрос задала юной французенке журналистка из «Антуанетт» Анник Ле Флекмоан.

Нет, Лоранс не рассчитывала сразу найти подходящее для нее место. Везде требуется возраст 25 лет, трехлетний стаж секретарской работы с двумя языками. Но сейчас она согласна на любое место: жить не на что, нужен хоть какой-нибудь заработок. Но она не оставит своих упорных поисков, за время которых многое поняла, многое решила для себя. Если она станет наконец секретарем, как меч-

тает, то обязательно вступит в профсоюз. Женщины-секретари работают в изолированных условиях. Их политическое сознание, как правило, низкое. Многие из них говорят: «Политика, профсоюз — это не для нас...» Лоранс же считает, что нужно защищать свои права, бороться за них. Ведь ссылки на нерентабельность, с которыми она сталкивается каждый день, получая очередной отказ, не что иное как стремление хозяев иметь квалифицированную рабочую силу за ничтожную плату.

...Мартин исполнилось двадцать пять лет, а надежд найти место, соответствующее ее образованию, знаниям, у нее еще меньше, чем у девятнадцатилетней Лоранс. Три года назад она окончила университет, получила диплом историка-географа и работает... подсобной рабочей на почте.

Мартин давно привыкла к любой работе: был бы заработок. Чтобы платить за обучение в университете, она, как многие студентки, работала на сборе винограда, официанткой в баре, два лета провела на почте. Но тогда казалось, что все это временно, вот будет диплом... После университета ей удалось устроиться на полставки ассистентом преподавателя. Однако вскоре прошло сокращение, и Мартин оказалась на улице. Хорошо хоть подруга из Парижа написала ей в Тулузу, что есть возможность устроиться на почте.

Во Франции ни одному ученику высшей школы, среднего учебного заведения или профессионального училища не гарантирована работа после окончания учебы. Чтобы получить преподавательскую должность, нужно пройти конкурс. В Тулузе было два вакантных места, а претендентов — пятьсот.

Мартин не жалеет, что училась: она очень любит историю, продолжает самостоятельно заниматься, читает специальную литературу. Но не видит пока никакой перспективы для приложения знаний. Она поняла, что общество, в котором она живет, ориентирует девушек на будущее, не давая никакого представления о возможностях найти работу. В школе, где она училась, преподаватели любили говорить: «У девочек нет математических шишек». Точные, технические науки не для них. Есть профессии мужские и женские. И она выбрала «женскую». А в университете сразу же услышала: «Образование не даст работы, но зато поможет выйти замуж».

Мартин хочет быть самостоятельным, независимым человеком, хочет получить работу, соответствующую диплому. Но возможно ли это, если право на труд, которое предоставляет женщине французская конституция, оказывается на поверку лишь пустым звуком?

Она обратилась в агентство по найму. Ей посоветовали подождать года два, потом

Еще один телефонный звонок, еще одна попытка найти работу. Что принесет она Лоранс? Скорее всего девушка услышит ответ, к которому уже привыкла за долгие месяцы поисков. «Дебютанток не берем, дебютантки нерентабельны...» Ни один работодатель не пожелал даже проверить уровень ее квалификации, убедиться в ее способностях. Зачем возиться с новичками, рисковать? Лучше нанять опытную секретаршу, которая успела зарекомендовать себя в другом месте.

У Лоранс опыта нет. И не может быть: ей всего девятнадцать лет, в прошлом году она окончила профессиональную школу, готовящую технических секретарей. Среди множества специальных навыков и умений — знание двух иностранных языков. А теперь ей твердят: «Умерьте амбицию, соглашайтесь на любую работу...»

С Лоранс нас познакомил французский журнал «Антуанетт». Ее судьба — судьба

НАДЕЖД

ВСЕ МЕНЬШЕ...

поступить на курсы подготовки и получить новую профессию — секретарши.

Трудно живет сегодня Франция. Инфляция, рост цен, безработица. Экономический кризис наносит прежде всего удар по молодежи. Среди 1409368 безработных молодежи до 25 лет составляет 38 процентов. Из каждых трех молодых безработных — две девушки. Это совсем не случайно. Девушек ориентируют преимущественно на профессии портнихи, стенографистки, машинистки, продавца, а спрос на эти профессии невелик.

В технических коллежах и профессиональных школах девушек лишь 25 процентов и 6 процентов среди учащихся инженерных школ, куда с недавних пор им открыли доступ. Половина девушек Франции, имеющих профессию, работают не по специальности. Чаще всего чернорабочими.

Статистика кричит о страшном отчаянии,

охватывающем молодежь. Ежегодно 700 юношей и девушек от 15 до 24 лет кончают жизнь самоубийством, а попыток к самоубийству в 60 раз больше. Жозет из Кетиньи искала работу больше года, получив очередной отказ, выбросилась из окна. Таким был ее протест против условий жалкого существования.

Все больше молодых французов убеждаются в том, что действителен лишь один вид протеста — борьба. Движение коммунистической молодежи Франции обратилось с призывом ко всем учащимся технических училищ организовываться, бороться, чтобы, став завтра рабочими, суметь защитить свои права. Трудящаяся молодежь Франции все решительнее поддерживает программу левых сил.

Л. БОРИСЕНКОВА

Раз в неделю собираются активисты школьного музея Маяковского.

Фото В. ЛАШКОВА.

НАЧИНАЕТСЯ МАЯКОВСКИЙ

Когда сданы все экзамены, десятиклассников, которые скоро покинут 79-ю московскую спецшколу, просят заполнить анкету. Вопросы о школе и среди них такой: «С Маяковским ты уходишь или без него?»

Так каждую весну. И выпускники отвечают. Вполне искренне, ведь оценки по литературе уже поставлены. Чаще всего говорят «да», очень редко — «нет», в этом случае поясняют: «Больше нравится Есенин» или «Мой любимый поэт — Блок».

Ребята пока не знают, как могут измениться их взгляды и что, возможно, написавший сегодня «да» годы спустя ответит так же, но с большим пониманием и убеждением, а написавший «нет» скажет твердое «да».

И хотя давно известно и про анкету и про вопрос, но ответ на него, наверное, всякий раз начинается с воспоминаний о работе в школьном музее Маяковского.

Сегодняшние десятиклассники пришли в школу, когда музеем не было и года. Крохот-

ный, он занимал совсем немного места. Теперь ему не хватает школы.

Как толькоходишь в здание, сразу же прямо перед собой видишь профиль Маяковского. А наверху слова:

«Ненавижу
всяческую мертвечину!

Обожаю
всяческую жизнь!»

В приемной директора читаешь поучительное:

«Каждый
должен
помочь стараться
Техническому персоналу
и администрации».

Педагоги школы считают, что Маяковский помогает воспитывать ребят. А ребята, не подозревая и, естественно, не задумываясь о воспитательном значении музейной работы, просто увлечены ею. И еще здесь азарт соперничества: какой класс

лучше проведет поиск, обогатит музей ценным экспонатом, познакомится с интересным человеком.

Задумали разыскать танк «Владимир Маяковский», построенный в годы войны на средства артиста Владимира Яхонтова. Как часто бывает в поиске: искали один танк, а нашли два воевавших самолета и подводную лодку, названных именем поэта. А о танке удалось узнать, что в одном из боев он был подбит и отправлен на ремонт. На этом следы его в архивах обрываются, но поиск не закончен. Узнали, что был и второй танк. Ребятам удалось разыскать его экипаж. Бывшие танкисты приходили в школу, рассказывали, как они воевали, как танк «Владимир Маяковский» ворвался в Берлин и сражался на его улицах.

Было много других находок. И среди них испанская листовка 1937 года с портретом Маяковского и его стихами «Ода революции». Вышитый на лоскуте портрет Владимира Владимировича — работа сельских школьников военной поры. Редкие книги воспоминаний о поэте. Зарубежные издания Маяковского. Как они попали в музей? Девятиклассница Инна Пономарева рассказывает, что некоторые из этих книг ребята впервые увидели на выставке «Международная книга-75». Сразу же мысль: вот бы нам для музея! Но книги-то не продавались. Набравшись смелости, школьники пошли по разным кабинетам. Их встречали приветливо, выслушивали внимательно.

— Чехи, те сразу сказали: «Для детей нам ничего не жалко», — и подарили вот эту красную книжечку, поэму «150 000 000». А зеленый пятитомник — подарок югославов.

«Для детей ничего не жалко...» Потому что у ребят немало друзей среди тех, кто был связан с Маяковским узами любви и дружбы. Они часто бывают в школе, помогают активу музея.

Посетителей музея много: ребята и учителя из школ московских и немосковских, почитатели таланта Маяковского, иностранные гости. Экскурсоводы могут рассказать об истории каждого экспоната.

Когда разговаривала с председателем музейного актива Олегом Петровым, спросила его:

— Ты, видимо, знаешь: Маяковского не раз упрекали в том, что он труден, непонятен, — как, на твой взгляд, это справедливо?

— Мне все в нем понятно, — категорически заявляет Олег.

— Так уж и все? Есть вещи, понять которые невозможно без жизненного опыта.

— Но я ведь не говорю, что знаю всего Маяковского. Но все, что читаю, понимаю.

— И тебе нравятся его стихи?

— Естественно. Иначе я не занимался бы музеем.

Логично. Только почему Олег отвечает с интонацией некоторого вызова? Да, он защищает «своего» Маяковского. Встал за него горой. Потому, наверное, что думает о нем так же, как другая школьница — Инна Пономарева.

— Маяковский — большой. Большое сердце, ум, поступки. Помните: «А глыбе многое хочется»? И еще в поэме «Хорошо!» — «...размаха шага саженьи». Я пока еще не знаю, кто мой самый любимый поэт, но жизнь Маяковского — жизнь настоящего человека.

«Да. Я ухожу с Маяковским», — пишет большинство в прощальной школьной анкете. Видишь: для многих поэт стал спутником всей жизни.

Т. ПОСЫСАЕВА

В свободную минуту

До электрички было больше часа ходьбы. Я шла и радовалась краскам леса, тишине. На платформе гора рюкзаков. Надрываются транзисторы. На полянке рядом мальчишьё-девчоночьё братия. Звонко отбивается мяч.

...Ехать предстояло долго, у меня с собой была хорошая книга, поэтому я с неудовольствием заметила, что ребята оказались моими соседями: наверняка и в электричке «врубят» музыку на полную громкость.

Оторваться от книги заставила меня, однако, не музыка. Ребята играли в какую-то неизвестную игру, играли так увлеченно, что я невольно стала «болеть». Постепенно до меня дошел смысл игры, стали понятны ее правила.

— Ну, Оль, думай скорей. Загадала?—торопят все.

— Буква С.
— Советский писатель и поэт?
— Нет, я имела в виду не Симонова,—парирует Оля.

— Современный американский писатель?
— Не угадал. Не Сэлинджер.
— Русский композитор?
— Нет, не о Скрябине речь.

Ребята стараются просто «угадать», какого рода деятельностью занимается тот «знаменитый человек», имя которого задумала Ольга.

— Советский актер?—продолжается поединок.

— Нет, не Смоктуновский.
— Ну, быть может, художник?
— Нет, я не Сарьяна имела в виду.
— Французский философ?

Она задумывается, морщит лоб, вспоминая французского философа на С. Не может назвать, сдается.

Теперь у команды есть право задавать ей более конкретные вопросы. Каждый, зачеркивая какие-то варианты, сужает поле поиска, приближает разгадку.

— Мужчина? — Да. — Зарубежный деятель? — Нет. — Советский? — Да. — Биолог? — Нет. — Писатель? — Нет. — Ученый? — В некотором роде. Впрочем, да. — Физик? — Нет.

Оля «под обстрелом».
— ...Критик? — Нет. — Педагог? — Да. — Сухомлинский? — Да.

Мчалась к Москве электричка, незаметно летело время. Ребята становились все изобретательнее. По манере спрашивать, думать, по реакции на вопросы, по тому, кого из «великих» они загадывали, можно было догадаться и о характерах и об увлечениях. Вот девочка у окна неплохо знает деятелей кино, но в литературе несильна, к тому же она невнимательна, часто спрашивает о том, что уже выяснено. Парень с рассеянным взглядом — явно с математическим уклоном. А рассеянность его мгновенно исчезает, когда начинается новая обойма вопросов. Он сосредоточен, скорча ответы, у него, что называется, услужливая память. А коротко стриженная девушка, которая сидит напротив меня, наверняка отличница по химии и биологии.

— Ребята, а что-то мы буриме совсем забыли,—сказал вдруг «математик», когда было выяснено имя очередной знаменитой личности.—Чур, мои рифмы! Ловите! Цель, башня, портфель, вчерашний.

Ребята что-то сосредоточенно бормотали.
— Готово, начали!
...Имею я сейчас такую цель:
Восстановить в деталях день вчерашний:
Куда ж я дел огромный свой портфель,
В который влезла б Эйфелева башня?

Каждый по очереди выдавал свой экспромт, и хоть они не отличались блеском, однако приятно было, что вспомнили ребята стариннейшую игру, дань увлечения которой отдавали тысячи людей на протяжении чуть ли не трех веков. Она была желанной гостьей и на студенческих и на гимназических вечеринках. Буриме—в переводе с французского «рифмованные концы»—экспромт на заданные рифмы. Кстати, этой игрой очень увлекался Пушкин.

Нередко приходится наблюдать, как в школе на заседании комитета комсомола ребята вымучивают программу предстоящего вечера. Все обычно сводится к стандарту: концерт, танцы. Взлетом творческой мысли бывает «почта» или просочившийся из пионерского детства «ручеек».

Ну, а почему бы в одной из комнат не играть в буриме или в литературных героев?

Кто-то из играющих выходит за дверь, остальные уславливаются, каким литературным персонажем он будет. Затем он входит, и ему задают вопросы, по которым он должен угадать свое имя.

Если тебя спросят, как обстоят дела с окраской забора, как лучше сводить бородавки—дохлыми кошками или гнилой водой,—то твое имя...

Тут-то наверняка каждый ответит: «Том Сойер, сэр...»—но вопросы могут быть и посложнее.

В эту игру можно играть, готовясь к уроку литературы, соперничая в поиске деталей для характеристики героев.

Интеллектуальные игры (назовем их так) не дают лениться уму, развивают память, побуждают больше читать, заглядывать в энциклопедии... При чтении начинаешь невольно обращать внимание на то, что раньше легко пропускалось,—привычки героев, манеру говорить, подробности быта, одежды, обстановки.

Прошлой весной довелось мне побывать в одной из школ в новом районе Москвы. Только сошел снег—самое время для рисунков на асфальте. Домики, оцетинившиеся лучами солнца, точка-точка-запятая—весь этот обычный сюжетный набор был изрядно потеснен латинским алфавитом. Буква, черточка, снова буква.

— Они играют,—объяснил мне мальчишка-пятиклассник.—Ну, знаете, пишешь первую букву и последнюю, а вместо остальных букв черточки. Вот и надо угадать, какое слово задумано. На английском слова-то,—добавил он.

Кроме нехитрой этой игры, есть множество других, которые помогают лучше ориентироваться в иностранном языке. Лучше запоминаются слова, ускоряется реакция на английские или французские реплики учителя.

Например, «10 вопросов». Ведущий загадывает слово (предмет домашнего обихода, растение, животное), а участники угадывают его, задавая вопросы (не по-русски, разумеется), на которые можно отвечать только «да» или «нет». Прекрасно развивает память игра «Снежный ком». К простому предложению прибавляются все новые и новые слова, и оно все растет и растет, как снежный ком, пущенный с горы. Ну, к примеру: «Мальчик идет в кино», «Маленький мальчик идет в кино», «Маленький мальчик быстро идет в кино», «Маленький мальчик в теплой шубе и шапке быстро идет в кино с товарищами и старшим братом, чтобы посмотреть новый интересный фильм». Каждый из участников всякий раз повторяет все предложение сначала, добавляя новые подробности.

Ожидаем трамвай или автобус, переезжаем с одного конца города на другой, стоим за билетами в кино, просто гуляем,—в эти «мертвые сезоны» мы отключаемся, мозг наш пассивен, на душе порой скука. А не лучше ли поиграть? Кто с нами?

О. ВИЛЬЧЕК

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Инне Лимоновой 21 год. Она работает в Набережных Челнах, куда приехала из Челябинска сразу по окончании средней школы. Здесь она получила специальность плиточника-облицовщика и работала на строительстве ремонтно-инструментального завода—первенца КамАЗа и нового города.

Сейчас Инна—сотрудник кинокорреспондентского пункта стройки,—участвует в создании документальных фильмов о КамАЗе.

Стихи пишет давно. Многие уже публиковала в местных газетах, альманахах, журнале «Новый мир», а также в газетах «Социалистическая индустрия», «Строительная газета». В Казанском книжном издательстве готовится к печати первая книга молодой поэтессы.

МАСТЕРОК

У меня теперь—три руки.
Моя третья рука—мастерок.
У него деловой говорок,
И движенья его легки.

На лесах, наверху, светло.
Ну и пусть горизонт далек!
У меня теперь есть крыло,
Мой звенящий, лихой мастерок.

В чужих стихах—мои слова.
Их много: в томиках, в брошюрах.
Они смеются, строки щурят,
От них кружится голова.

Они уже в цитаты сбиты,
Крылатыми иные стали...
И у разбитого корыта
Сижу без слов, без слез,
без жалоб.

Как рыба, раскрываю рот,
Свое пытаюсь вставить слово,
И убеждаюсь снова, снова,
Что мысль не та. И слог не тот.

Что все сказали без меня
Красиво, чисто, ярко, звонко,
Что я совсем еще девчонка
И мало одного огня!

Разорался петух под окнами,
Разбудил спозаранок опять.
Выхожу на крылечко мокрое
Утро нового дня встречать.

Там, за плёсами, за плетнями
Разгорается день, как костер.
И туманы белесые вянут,
Не успев опуститься с гор.

Вот сейчас встрепенется озеро,
Свет лазурный дойдет до дна,
Камыши зашуршат, завозятся,
Ожидая начала дня.

Голоси на весь мир, горластый!
Торопись—горизонт потух.
Мы с тобой ко всему причастны,
Мы поэты с тобой, петух.

ЗАБОТЛИВО И ВОВРЕМЯ

К ним ежедневно обращаются со своими заботами и нуждами, за помощью и советом. Много важных дел им доверено. Пусть они непосредственно не создают материального богатства, труд их почетен и очень нужен обществу. Ткачиха, сердцем спокойная за маленького сынишку, о котором по-матерински заботятся воспитательницы детских яслей, работает с легкой душой, азартно и спорно. Токарь, быстро и без давки добравшийся на трамвае до завода, начнет смену в хорошем настроении и больше успеет сделать за день. Вот и выходит: те, кто занят в так называемой непроизводственной сфере, влияют — и весьма заметно — на результаты труда нефтяников, шахтеров, металлургов, текстильщиков, хлеборобов, животноводов, а значит, на успехи страны в целом.

Мерилом богатства общества, как отмечал еще К. Маркс, является свободное время членов этого общества. Чем больше такого времени, тем больше возможностей для гармоничного развития человека, расширения его профессионального, научного, культурного кругозора, более полного выражения многогранных способностей личности, для разностороннего воспитания молодого поколения. Но чтобы эти возможности стали действительностью, нужно лучше организовать быт людей, снять с них груз домашних забот, обеспечить максимальные жизненные удобства.

С подъемом экономики страны Советское государство получило дополнительные возможности для развития ускоренными темпами отраслей, непосредственно занятых обслуживанием населения. За минувшие десять лет численность работников здесь возросла на 46 процентов, тогда как в сфере производства она увеличилась лишь на 27 процентов. Работа Коммунистической партии об улучшении условий жизни народа наглядно видна на примере развития службы быта. Лет пятнадцать назад такой отрасли практически не существовало. Государство взялось за налаживание бытового обслуживания населения. На это дело были направлены огромные средства — только за восьмую и девятую пятилетки свыше 3,4 миллиарда рублей. Число предприятий сервиса возросло с 1960 по 1975 год в 2,3 раза. Сейчас их в стране насчитывается более 250 тысяч. Объем услуг населению за тот же срок увеличился в 6,6 раза и составил в последнем году девятой пятилетки 6,5 миллиарда рублей. Так была создана новая отрасль экономики, где трудится почти 2,5 миллиона людей.

А прибавьте к этому еще десятки миллионов, которые лечат нас в поликлиниках и больницах, смотрят за нашими ребятами, выдают нам книги в библиотеках, показывают кино-

фильмы, отсылают и разносят наши письма и телеграммы, соединяют по телефону с дальним городом, кормят обедом в столовой, выписывают справки, взвешивают крупу и отмеривают ткань на платье... Огромная армия добрых помощников, без которых мы — каждый из нас — никак не обойдемся.

Мы требуем от них быстроты, умения, доброжелательности. Но требуя (и справедливо), думаем и о них самих: как работается им, как живется?

Недавно ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление о значительном повышении заработной платы работникам непроизводственной сферы народного хозяйства. 31 миллион человек получит к зарплате весомую прибавку. Она составит примерно 7 миллиардов рублей в год.

На 30 процентов возрастает зарплата у младших медицинских сестер, ухаживающих за больными. Более чем на одну треть — у акушеров и фельдшеров скорой и неотложной медицинской помощи. Увеличиваются доплаты за уровень специальной подготовки и трудовой стаж у работников социально-культурных учреждений. До 30 процентов ставки составят надбавки в службе быта за совмещение профессий.

В последнее время мы все чаще встречаемся с примерами предупредительного и комфортного обслуживания. Среди работников сервиса немало людей душевных, внимательных, отлично исполняющих свое дело. На Всесоюзную доску почета, установленную на ВДНХ СССР, занесена, например, вильнюсская фабрика индивидуального пошива и ремонта одежды «Рамуне». В коллективе этого предприятия утвердилось правило — оценку качества работы закройщиков и портных дают сами заказчики — к их пожеланиям, вкусам здесь относятся очень внимательно. Так же радушно встречают покупателей молодые продавцы магазина «Модный силуэт» на Пролетарском проспекте столицы. Торговлю здесь ведут наисовременнейшими методами, регулярно устраивают демонстрацию образцов полученной одежды, умеют дать покупательнице добрый и дельный совет, подобрать соответствующее ее индивидуальности платье, пальто или шляпу.

На воронежской земле в селе Новый Курлак трудится заведующая комплексным приемным пунктом Аннинского райбыткомбината Александра Григорьевна Горынина. Она знает в лицо каждого односельчанина, в ее блокноте — точные сведения о том, сколько у них телевизоров, стиральных машин, холодильников, у кого «запланировано» прибавление семейства, кто задумал сыграть свадьбу... В приемном пункте, обставленном новой мебелью — премия Министерства бытового обслу-

живания населения РСФСР, — можно сдать белье в стирку, обувь в ремонт, одежду в химическую чистку, заказать платье, сделать модную прическу. К Горыниной люди обращаются с самыми различными просьбами, часто не имеющими отношения к ее прямым обязанностям. И она никому не отказывает, выполняет все поручения, добивается, чтобы быстрее отремонтировали телевизоры, чтобы баллоны с газом привозили прямо в село. Ее называют хозяйкой села, и по заслугам. Как истинная хозяйка, неустанно хлопочет она, чтобы в каждом доме было тепло, светло и уютно.

Будем справедливы: далеко не все работники сферы обслуживания трудятся, как А. Г. Горынина, продавцы «Модного силуэта» или закройщики «Рамуне». Уровень сервиса, его культура и качество нас, пожалуй, чаще огорчают, нежели радуют. Об этом с обидой пишут читательницы в редакцию «Работницы». И понять их легко. Во многих городах, начиная с Москвы, жэки и домоуправления в субботу на замке. В воскресенье нельзя взять напрокат посуду или магнитофон, прибить оторвавшийся каблук. Неудобен регламент работы различных приходных касс, нотариальных контор, юридических консультаций, поликлиник. Чтобы получить справку или пойти за советом к врачу, приходится отпрашиваться со смены. А сколько времени отнимают очереди в приемных пунктах и ателье службы быта, ожидание водопроводчика или телемастера! И, наконец, кто измерит потери нервов, ущерб здоровью, наносимые грубостью иных продавцов, приемщиков, закройщиков, сантехников и других специалистов, первейшая обязанность которых в том и состоит, чтобы относиться к покупателю или заказчику с безукоризненной вежливостью и доброжелательством.

Да, уровень обслуживания населения пока не отвечает его возросшим запросам. И оно за это расплачивается дорогой ценой. Ежегодно население страны только на самообслуживание в быту отдает в среднем не менее 80—100 миллиардов человеко-часов. Это эквивалентно трудовым затратам 45—50 миллионов рабочих. Слишком велики потери свободного времени, они становятся тормозом в развитии производительных сил. Сократить потери — насущная задача дня. А для этого надо, как сказано в недавнем постановлении ЦК КПСС о совершенствовании службы быта РСФСР, мобилизовать всех тружеников этой отрасли на достижение коренного улучшения качества работы, обеспечение образцового обслуживания населения. В успехах нашего сервиса заинтересована вся страна: ведь это касается всех и каждого из нас.

М. БУЖКЕВИЧ

Что красноречивее всего говорит о человеке? Дела. Но все начинается с решений, которые он принимает.

Решение первое (конец 1974 года)

Начальник объединения сказал: «У вас на размышления времени нет. Так уж сложились обстоятельства. Но вам нужно хорошенько выспаться, ведь директор должен быть свежим и бодрым, когда его представляют коллективу. Так что соглашайтесь сейчас. Мы очень надеемся на вас».

Наталья Феоктистовна попросила разрешения подумать до утра. Кто-кто, а она, проработавшая на своей мебельной фабрике семнадцать лет, очень ясно представляла себе, в какой сложный период вступает их предприятие.

Много лет фабрика славилась хорошо налаженным производством, а мебельщики пожинали блага, которые такая слава дает. Награды, премии, спокойная жизнь. Но все чаще на совещаниях в объединении «Севзапмебель», в Ленинграде, и здесь, в Великих Луках, в горько-партийной заходит речь о том, что непрочен успех предприятия. Развивая основное производство, руководители забыли о тылах.

И все острее ощущают цеха «энергетический голод» — старый, изношенный кабель, по которому гонит ток маломощная подстанция, часто выходит из строя. Не хватает тепла. А полированная мебель — создание, можно сказать, теплолюбивое. Отполированные детали шкафов и сервантов, так называемые щиты, соскакивают со станков горячими, и остывать им нужно при строго рассчитанной температуре. Если она ниже технологической, зеркальные поверхности мутнеют. «Синеют от холода», — горько шутят работницы.

Фундаменты котельной и подстанции давно заложены, но строители никак не могут «сойти с нуля». Возводятся и новый корпус для некоторых, особо нуждающихся в расширении цехов — длинная серая коробочка, над которой строители колдуют уже пять лет. Они то появляются, то исчезают, повинувшись каким-то экономическим импульсам...

Фабрика — глыба, которая, фигурально говоря, накренилась и может не рухнуть, нет, но долго оставаться в этом неудобном и неестественном положении, если кто-то не подставит сильное, надежное плечо. Директор В. И. Худяков, создавший славу предприятию, уходит на пенсию. На место руководителя предлагают встать именно ей, Наталье Феоктистовне Тулкиной, сорокатрехлетнему начальнику производства, матери двоих детей.

«Идти? Пожалуй, нет. Разумеется, нет».

С этим и шла домой. Но муж (Станислав Сергеевич тоже работает на фабрике, он начальник отдела управления качеством продукции) все поставил с головы на ноги. Человек основательный, рассудительный, он все обдумал и сказал: «Ты энергичная, хороший организатор. У тебя все получится, Наташа».

И опять загрызли сомнения. Сначала думала: имеет ли право согласиться? Теперь: имеет ли право отказаться?

...Директорское кресло оказалось довольно жестким и просторным. Слева на столе телефонный аппарат с множеством клавиш. Как им пользоваться?

Справа толстая папка с почтой. Кому направ-

лять эти приказы, сообщения, просьбы? Если бы она прежде замещала директора хоть один день!

Утром Наталья Феоктистовна приняла трудное решение. Оно было только первым среди множества тех решений, которые ей предстояло принимать теперь как директору...

— Вчера не было энергии: пришлось бригаду с боковин отпустить домой.

— Мурманску недодано около пятисот диванов и почти двести наборов корпусной мебели.

— Получили плиту — не меньше тридцати процентов негодной. А работать нечем. Браковать? Не браковать?

Директор чертит в блокнотике бесконечную, запутанную, какую-то безысходную линию. Хотя бы один из мастеров сказал слово, которое согрело душу надеждой.

Только что она выдержала несколько часов другой планерки — со строителями. Тулкина настояла, чтобы они регулярно собирались в ее кабинете с отчетом. Добилась и того, чтобы планерки эти проводил либо управляющий стройтрестом, либо его заместитель. Часто приезжают и работники горкома партии.

Вопрос стоит серьезнейшим образом. Уже трижды срок строительства продлевали, но больше об этом не может быть и речи. Строительство нового корпуса должно быть любой ценой закончено в 1975 году.

Это не совещания, а битвы. Заказчики встряхивают душу из строителей, а строители — находят зацепки! — конечно же, нападают на них. Но больше всего они клянут разбросанных по всей стране поставщиков, задерживающих материалы и оборудование. И экономистов, запланировавших, скажем, фонды на кабель и трубы на четвертый квартал, когда они как воздух нужны в первом.

За что хвататься? Мчатся в Москву «выбивать» драгоценный кабель? Но как оставить предприятие? Ведь и здесь план под угрозой срыва.

Что же делать? Каждое утро встречает ее этим вопросом.

Половина шестого утра. Все в доме спят в блаженном спокойствии, а она уже увидела в окне кусочек фабрики, и все, от чего так ненадежно отделяла ночь, навалилось снова.

...Как-то к ней в кабинет — тогда Наталья Феоктистовна была еще начальником цеха — с плачем влетела Нина Лeksuнова, мастер.

— Ой, Наталья Феоктистовна, меня так один рабочий обидел!

Тулкина заперла дверь на ключ, обняла Нину за плечи и неожиданно строгим голосом сказала:

— Сейчас же перестань плакать! Ты руководитель. А руководитель прежде всего должен быть спокоен и уверен в себе. И передавать эту уверенность другим. А тот человек будет наказан.

Наталья Феоктистовна никогда не откладывала выполнения своих решений. Едва смена подошла к концу, как началось цеховое собрание, на котором обидевший Нину рабочий слезно просил прощения.

Но Тулкина привыкла добиваться выполнения каждого своего решения, и через несколько дней это пришлось ощутить и самой Нине.

Она вошла к Наталье Феоктистовне сердитая, заспанная. Только в час ночи добралась после второй смены до дому, в два уснула, а в семь уже прибегает от Тулкиной посыльная, вытаскивает из постели и велит идти в цех.

— Нина, вчера, как мы с тобой договаривались, ты должна была переписать остатки всех материалов и оставить это мастеру первой смены. Так?

— Да вот замоталась...

— Это причина, как сама понимаешь, неуважительная. А товарищевой ты подвела. Иди в цех и займись.

...Как легко, оказывается, было работать начальником цеха! А тогда тоже плакала, как Нина. Но никто не видел этих слез.

...Она должна немедленно взять себя в руки. Тщательно причесаться. Выбрать самую красивую блузку к костюму.

Тулкина приходила на комбинат в час, когда его покидали ночные сторожа. Обегала цеха, склад, разговаривала с диспетчерами и на планерки являлась с полным записей блокнотом.

Начальник цеха оправдывался:

— Да, вторая смена не выполнила задания. Но, товарищи, по нашей ли вине?

Он кинул многозначительный взгляд на начальника отдела снабжения и продолжил было:

— Как всегда, материалов...

Тулкина его остановила:

— Все необходимые материалы вы вчера получили. Но когда в десять вечера сломался станок, ваш мастер поленился послать за механиком.

Впрочем, снабженцам тоже доставалось.

— Евгений Карпович, завтра без матов будем сидеть!

Добродушный Евгений Карпович Тимофеев успокаивал:

— Маты вот-вот будут. Машина в Таллин давно ушла.

— Не будет матов «вот-вот», — возразила Тулкина. — Машина выслана в понедельник, тогда как следовало отправить ее в субботу.

Когда, как успела она узнать о машине (ведь только что сама из Ленинграда)? Сейчас кажется многое удивительным товарищам Наталье Феоктистовне, которые эти подробности припоминают, а тогда на подобные эмоции времени не было. Жили одним — поглощающей силы, мысли и время работой.

Решения второе и третье (1976 год)

— Не представляю, как можем мы сейчас, находясь в таком прорыве, всерьез говорить о новом наборе корпусной мебели.

— Но прежний устарел. Он не монтируется в стенку...

— Что не мешает ему пользоваться стабильным спросом.

— Спрос еле заметно, но спадает. С набора вот-вот снимут Знак качества. Шкафы на ножках — это уже не модно. Подумайте о покупателе.

— Подумайте о себе. Еще один такой год, каким был семьдесят пятый, нам не пережить...

Заместители директора, главный инженер, начальники служб и цехов спорили, перебивая друг друга. Сколько было таких совещаний!

После подписания акта о приемке нового корпуса жизнь комбината (теперь предприятие именовалось комбинатом, к нему присоединилась фабрика в Невеле) усложнилась. Оставалось множество недоделок, а план им увеличили только по мебели на два миллиона рублей. И ведь, кроме мебели, великолучане производят товары широкого потребления, полуфабри-

ЕДЫ...

каты для других предприятий, скажем, корпуса для магнитофонов.

Правда, было чему и радоваться. Вовсю работали новая подстанция и котельная. Заканчивалось и строительство нового склада. За годы существования фабрики производство мебели выросло в десять раз, а склад оставался прежним. Тылы отставали, тылы...

И вот в это время нужно было решить принципиально важный вопрос: переходить на выпуск нового набора мебели или не переходить.

Если беспристрастно взвесить все «за» и «против», то ясно, что решаться на это сегодня рискованно. Но можно ли думать только о сегодняшнем дне? И можно ли в новые цеха со старьем?

«Приказываю начать подготовку к переходу...»

Мучительные недели перестройки. Производство старого набора было отлажено до мелочей, а новый оказался вначале чрезвычайно сложным, хотя состоял тоже из трех предметов — платяного и книжного шкафов и серванта. Вдобавок новый набор был и более дешевым. Старая проблема — противоречие между интересами предприятия и интересами потребителя. Чем дороже мебельный гарнитур, тем проще фабрике выполнить план в рублях, а покупателю нужен товар красивый и дешевый. Но ведь они должны заботиться и о покупателе. Тогда почему многие помощники считают ее решение крупнейшей ошибкой? Недалеко видны? Устали от напряжения?

А ведь есть сдвиги, есть. Какое счастливое лицо было у начальника нового, шестнадцатого цеха Аркадия Матвеевича Сырица, когда докладывал на планерке: «Вчера отполировано пятьсот пластей!» (Пласть, или рубашка, — лицевая поверхность детали.) Норма — семь с лишним тысяч, но вчера было только четыреста десять, а неделю назад — семьдесят.

Все налаживается. Только, может быть, нужна передышка...

Но ее не будет. Приближается лето, когда резко сокращается вывоз мебели — большинство вагонов отдадут новому урожаю.

...Диваны, кресла, шкафы постепенно занимают все заасфальтированное пространство двора. Это время всегда было страдной порой для мебельщиков, но в нынешнее лето вагонов почему-то приходит как никогда мало. С комбината идут тревожные телеграммы в объединение, в трест, в МПС, в свое министерство.

В ожидании, пока будут приняты меры, мебельщики не сидят сложа руки. При некоторых цехах спешно — за сутки — строятся жестяные коробки, временные склады. Но это не спасает.

В который раз мучительно ищут руководители комбината ответа на вопрос: что делать?

...В воскресенье по молчаливому соглашению дома обо всем, что касается дела, ни слова. Едут с друзьями за город, на реку. Или пекут пироги и зовут гостей.

И всегда выкраивается час для шитья.

— Дочка, какой выберем фасон?

Одиннадцатилетняя Марина с важным видом рисует халат необыкновенной красоты. Обязательно должен быть такой воротник, карманы, кантик...

Подруга, увидев Наталью Феоктистовну за машинкой, удивилась: «Неужели не проще купить готовый? При твоей занятости?»

Но ни за что она не откажется от этой редкой радости. От возможности почувствовать себя

Директор комбината Н. Ф. Тулкина со столяром А. М. Кодяковым.

Фото В. БУЧКИНА.

послушной, безответственной, руководимой...

Мебель «отвоевывает» землю пядь за пядью. Она укутана в бумагу и картон, донизу накрыта огромными лоскутами искусственной кожи, специально приобретаемыми как раз для таких критических ситуаций. И все равно сердце каждого сжимается при виде угрюмо замерших колонн.

Видно, придется решиться...

Уже лет десять, как на комбинате идут разговоры о необходимости перейти, как это делают передовые предприятия, на выпуск разборной мебели. Шкаф, упакованный в пакет, занимает втрое меньше места, чем смонтированный. Вместо трех вагонов нужен один.

Возможно, шкаф в пакете и есть спасение? Но опять некоторые начальники цехов считают новую идею неприемлемой. Не случайно за эти десять лет дело дальше разговоров не пошло, выпуск разборной мебели потребует подтянуть работу большинства служб и цехов. Если при сборке на комбинате рабочий обнаружит, например, что дверцы не совпадают по отверстиям или цвету, он легко устранит дефект с помощью дрели или возьмет новую деталь. Покупателю же нужно отправить комплект деталей, подобранных идеально.

Может ли об этом идти речь сейчас, когда не утихла лихорадка, вызванная переходом на новый набор? Когда только-только осваивается новое, очень точное, но и капризное оборудование?

Тулкина убеждена, что этот выход единственный. Ее поддерживают Василий Семенович Владимиров, главный инженер, молодой энергичный специалист, Софья Исаевна Фишман, начальник цеха и давний друг и единомышленник, и другие. Но окончательное решение должен принять директор.

Все взвешено, обсчитано. Подобный опыт в их объединении «Севзапмебель» уже есть — у калининградцев. И все равно страшно. Как прыгнуть в незнакомую воду с высокого берега.

— Ну что ж, в приказ.

Всем заказчикам отправили письма, в которых информировали о том, что комбинат намерен впредь поставлять мебель в пакетах.

Прочитав удивительно скоро пришедшие от-

веты, Тулкина даже усмехнулась: как единодушны! Все отказались покупать «котлов в мешках».

Придется заказчиков воспитывать. К ним пошли новые, более пространственные и убедительные письма, и были они далеко не последними.

А на комбинате тем временем учились работать точно, и сборка постепенно пустела. Сборщики же пошли в цеха, где нужны были рабочие. Это как-то погасило трудности освоения нового набора.

Сорок наборов в смену. Семьдесят, девяносто. Это уже почти норма. Приходят первые положительные отзывы от покупателей «пакетов».

«Только-только «расшиваемся», начинаем дышать свободно». Это можно было услышать на комбинате еще в декабре. А не научись комбинат изготавливать шкафы в пакетах, пришлось бы диванам и шкафам зимовать во дворе...

Многие могут рассказать о человеке решения, которые он принимает. Но о руководителе принято судить не по добрым намерениям, а по результатам.

Выполнил ли комбинат, руководимый Натальей Феоктистовной Тулкиной, план?

В последние дни года мебельщики из Великих Лук смогли утвердительно ответить на этот вопрос. Огромных усилий от всех потребовали эти дни. Но вот завершён план по выпуску мебели, по реализации.

Многим рисковали руководители комбината, принимая решения, о которых здесь рассказано, и у них, вероятно, еще будут из-за этого неприятности, поскольку план по производительности труда выполнить все же не удалось. Но мебельщики нашли в себе силы отказаться от легкой победы сегодня ради той, подлинной, которая придет...

— Когда она придет, Наталья Феоктистовна?

— Ох, не знаю.—В глазах у нее многодневная усталость, но и какая-то непобедимая, дерзкая энергия.—Нас ждет еще один как минимум очень трудный год.

Л. ТАРХОВА

Чтобы почувствовать характер этой будапештской улицы, лучше всего сюда прийти ранним утром. Когда мягко перестукиваются и перезваниваются торопливо бегущие по ней трамваи. Когда загорается всеми окнами здание общезжития, выплескивая шумный поток рабочих на просторные тротуары. Оживает, вплетая свою напряженную ноту в музыку трудового утра, строительная площадка, где растет многоэтажный институт кардиологии, и другая, где строится медицинский институт.

Этой широкой, рано просыпающейся и живущей напряженной трудовой жизнью улице дали имя Като Хаман, верного борца партии венгерских коммунистов.

Она родилась в селе Комполт, в семье сельского сапожника Яноша Хамана. Когда подросла, мечтала стать учительницей. Работала в поле, вязала, шила — зарабатывала на учебу. Над книгами сидела ночами.

— Откуда в тебе такое упорство? — удивлялся отец.

— Я хочу учить детей, — отвечала дочь.

...Сюда, в Комполт, морозным декабрьским днем съезжаются люди — те, кто постарше и помнит Като, и совсем юные. О ней, стойкой коммунистке, рассказывают, вспоминают. Звучит музыка, исполняются рабочие революционные песни. И много цветов. Так здесь бывает каждый год, в день рождения Като Хаман.

И все-таки Като не стала учительницей. После смерти матери и отца на руках ее остались младшие братья и сестры. Като пошла работать на железную дорогу, через некоторое время ее перевели в Будапешт, на Западный вокзал.

...Многие из тех, кто приезжает в столицу ВНР, кто окунается в вокзальную суету, останавливаются хотя бы на мгновение у скульптуры Като Хаман, читают слова на мемориальной доске — здесь она работала, здесь получила первые уроки политграмоты, которые преподавал ей базирующийся Будапешт.

Шел январь 1918 года. В городском парке Будапешта собрались 100 тысяч рабочих. «Да здравствует Советская Россия!», «Долой войну!» — читала Като лозунги. Тогда же она познакомилась с Енё Ландлером, видным деятелем рабочего движения. Он дал ей почитать «Манифест» Маркса и Энгельса. В том же году Като участвовала в организации забастовки железнодорожников.

В числе первых вступила Като Хаман в ряды только что созданной Коммунистической партии Венгрии. В дни Венгерской советской республики была избрана членом Совета рабочих, крестьян и солдат, работала в IX районе Будапешта, том самом, где сегодня одна из улиц носит ее имя. Ей поручили организовать и вести вечерние курсы для женщин-железнодорожниц. Сбылась ее мечта — она учила.

Республика просуществовала 133 дня. Вскоре после ее падения Като Хаман была арестована.

Тюрьма не сломила силу ее убеждений. Она выходила за тюремные ворота, чтобы вновь окунуться в гущу рабочего движения — там, где Хаман, там забастовка, четко сформулированные требования рабочих, организованная борьба за свои права. Так было на железной дороге, на резиновом заводе...

В августе 1925 года в Вене состоялся I съезд Коммунистической партии Венгрии. Като Хаман участвовала в его работе. После возвращения на родину была (в который уже раз!) арестована. Ее допрашивали, били. На суде она произнесла:

— Господин прокурор сказал, что мы, революционеры, чуждаемся работы. Посмотрите на мои руки — я работала больше, чем любая поденщица. С детства я узнала, что такое нищета, несправедливость. И это сформировало мои убеждения. Я была, есть, буду революционером, борцом за интересы рабочих.

Ее приговорили к 2 годам и 8 месяцам заключения и отправили в тюрьму города Дьера. Там Като тяжело заболела. Врачи говорили ей: «Если будете жить спокойной жизнью, здоровье вернется». Она не умела и не хотела так жить. Выйдя на свободу, сразу связалась с партийным центром, стала организатором и руководителем Красной помощи (венгерская секция МОПР), которая спланировала народные массы, призывала их к солидарности... И снова арест. В апреле 1936 года она вышла на свободу совсем больная. А через несколько месяцев ее не стало.

«Можно отнять права, свободу, жизнь, но идеи, убеждения — никогда». Это слова Като Хаман.

...По характеру своему Като была сродни рабочей улице, которая сегодня носит ее имя. В народной Венгрии, за которую отдала свою жизнь пламенная революционерка, глубоко чтят ее память.

Г. ГЕРАСИМОВА

г. Будапешт.

Светлой памяти Ибрагима абы Гази посвящаю.

Март. Влажное утро. Я иду в горы за талой водой. Ненадежная, то и дело проваливающаяся тропинка. Чуть оступишься — и угодишь в серый сугроб. Когда-то горские девушки гордились своими ровными следами, напоминающими стежки. А мы выросли, разъехались по городам и там научились ходить широко, уверенно: носки — в стороны.

Но сейчас я стараюсь ступать, как в детстве. Кромка снега по обеим сторонам тропки, словно стальное кружево. Это мартовский снег. Он не слепит глаза, как зимой. Не сверкает разноцветными искрами. Правда, в отличие от города здесь он не почернел, не приобрел грязновато-неприятного вида, только потускнел и как-то отяжелел. Выходит, и снег стареет. В низинах еще лежат сугробы. А здесь уже кое-где влажно чернеют проталины. Не сегодня-завтра зазеленеет трава.

Я иду за талой водой.

У меня в руке звеняет ведро. Это жестяной ковш ударяет о цинковые стенки ведра. Когда я была маленькая, по воду ходили с двумя ведрами. Но мои плечи отвыкли от доброй тяжести коромысла: ведь я живу в городе. Да и в деревне возле нашего дома давно стоит колонка. Глубоко в земле проложены трубы, и по ним, из дальнего родника через холмы и долины, мимо кладбища, через которое мы ходили к роднику, течет прозрачная и холодная ключевая вода.

ТАЛАЯ ВОДА

Помню, прежде ее берегли для самовара. А теперь моют полы.

Бывало, весной, в половодье, когда река Мензеля становилась полноводной и мутной, тропинку к роднику заливало. Тогда мама приносила чистую воду с межгорья, добывая ее из-под снега. Снеговая вода была, конечно, не такой вкусной, как ключевая, но все же она была чистой. Мама отбеливала ею белье. А я мыла голову, после чего волосы нежно пахли подснежниками. Я иду за талой водой.

А вот и большой, вросший в землю камень: сколько я себя помню, он всегда лежал здесь. Снег вокруг камня чуть-чуть подтаивал... Пожалуй, это как раз то, что мне нужно. Быстро зачерпываю ковшом снег. Еще и еще раз. Чем дальше черпаю, тем глубже ямка. А вот наконец и вода. Талая вода, за которой я и пришла. Оказывается, она незаметно и тихо течет под снегом.

Как ослепительно зелена травка, омытая этой водой. Разве скажешь, что это прошлогодняя зелень? Течение склоняет ее в одну сторону, будто расчесывает гребнем. Я опускаюсь на колени прямо на снег, склоняю ухо к этой чистой воде, чтобы услышать ее тихое журчание. Несказанная свежесть касается моих щек. И вот уже я не взрослая женщина, достигшая середины жизни, а тринадцатилетний подросток. И не журчание студенной воды улавливает мой слух, а чистые переливы детского голоса: словно ключ, пробивающий себе дорогу сквозь мелкие камешки:

Волга, ведь она глубокая,

Глубокая она, широкая...

Это Рафис! А может быть, его песенка все прошедшие зимы жила под снегом, как талая вода, и каждую весну вместе со снежными потоками устремлялась вниз, в деревню...

Волга, ведь она глубокая,

Глубокая она, широкая...

Волга! Никто из нас тогда не видел ее. По словам песни я представляла себе эту великую реку в образе нашей Мензели, только широкой, как в половодье. И по ней в моем воображении почему-то обязательно плыли лебеди, напоминавшие гусей, потому что лебедей я тоже в ту пору не видела.

Тринадцатилетняя девчонка, заморыш, никогда не наедавшаяся досыта, полюбила песню про Волгу, а заодно и мальчика, певшего ее.

В нашей деревне Рафис появился неожиданно: мать его, получившая сообщение о гибели на фронте мужа, привезла сына к бабушке, а сама уехала обратно в город. Взрослые жалели мальчика и называли сиротой, а деревенские мальчишки считали чужаком и не принимали в свои игры.

А я почему-то все время ощущала странное родство с ним. Ведь и я тоже даже среди подруг чувствовала себя одинокой! Может быть, потому, что в отличие от других ребят росла одна, без братьев и сестер. И когда мальчишки толкали меня в сугроб или прятали на берегу мою одежду, пока я купалась, некому было заступиться за меня. Поэтому я с детства мечтала о старшем брате. Рафис в какой-то мере заменил мне его.

Рисунок
Н. БОРИСОВОЙ.

ВОДЫ

Однажды, когда я пасла корову, ко мне подошел мой сосед по парте Нур. Я знала, что от этого озорника нельзя ждать ничего хорошего, и на всякий случай отступила назад. Но не тут-то было: Нур потянул меня за длинный рукав моего бешмета, а когда я попыталась вырваться, ловко забросил мне за пазуху что-то холодное. Я завизжала. И тут как из-под земли появился Рафис. Я никогда не видела его в такой ярости. Нескладный и низкорослый, он словно вырос на наших глазах.

— Ты зачем ее так обижаться?!—звонким, срывающимся голосом закричал он и крепко схватил Нура за воротник.

От волнения слово «обижаться» он произнес по-русски и неправильно. Живя в городе, он учился в русской школе и потому иногда путал русские и татарские слова. В другое время Нур не упустил бы случая поиздеваться над Рафисом. Но сегодня, сейчас в облике Рафиса появилось что-то такое, что Нур стал беспомощно озираться вокруг, ища поддержки. Но как назло дружок его не было поблизости.

Случай этот сблизил нас с Рафисом, но еще больше отдалил его от мальчишек.

Когда я издали следила за Рафисом, который в стороне от ребят с грустной завистью наблюдал за их шумной возней, я невольно сравнивала его с незадачливым гусенком, который вылупился последним и оттого хил и слаб, и потому гусиный выводок не принимает его в свою семью. Но бедняга все равно ковыляет за остальными. Куда же ему деваться? Это сходство с гусенком усиливалось еще и тем, что Рафис, как и вся деревенская ребятня, с ранней весны и до первых заморозков бегал босиком, и его озябшие ноги с растопыренными красными пальцами походили на гусиные лапки.

Может быть, в такую минуту и проснулось во мне неясное, счастливо-печальное чувство к Рафису? Кто знает! Разве можно сказать, где, когда и почему возникла первая капля вешней воды? И подобно воде, текущей под снегом, чувство это жило во мне тихо и незаметно для постороннего глаза.

Но как же случилось, что мальчик, похожий на отвергнутого гусенка, догадался о нем? И не только не осмеял меня, а разделил со мной мою тайну. Я поняла это, когда неожиданно нашла в своем учебнике «письмо» от него. В нем было всего одно слово. Мое имя «Зайтуна» было не написано, а свито из медной проволоки и ловко приколото к бумаге. Тогда я подумала, что мое имя самое красивое на свете: ведь оно сверкало, как золотое.

В большую перемену в танцевальном кругу Рафис будто нечаянно всякий раз оказывался возле меня. Даже случайным, беглым взглядом мы не посмели бы обменяться. Но ходить по кругу рука в руке... За всю жизнь не было у меня счастья выше этого!

Однажды во время такого танца Рафис наклонился ко мне и что-то быстро положил в карман моей кофточка. Я нащупала рукой жесткий предмет. Но посмотреть не решилась. Тем более что рядом, сверкая хитрыми глазками, стоял все тот же Нур и подозрительно косился на меня.

Не помню, как дождалась я конца уроков. Потом еще пришлось идти с девочками домой. Дома мать растапливала очаг и тут же послала меня в сарай за кизьяками. Только я было сунула руку в карман, как мать закричала с крыльца: «Чего ты там копаешься! У меня все уже прогорело!» Бросив на пол охапку кизьяков, я чуть ли не со слезами убежала в коровник и там дрожащей рукой извлекла на свет подарок Рафиса. Это оказался красный ремешок для часов: наверное, его мама прислала из города. И хотя у меня не было часов, я пришла в восторг от подарка.

Теперь по деревенскому обычаю я должна была отдарить Рафиса собственноручно вышитым платком или связанными варежками. Сколько дней и ночей придумывала я узор! Сколько раз мысленно вдевала в иголку яркие нитки! А затем с волнением и гордостью протягивала Рафису свой подарок. Но, увы, у меня не было ни белого лоскутка, ни разноцветных ниток.

И тогда я решила связать в подарок Рафису варежки. Конечно, это не так красиво, как вышитый платок. Но зато шерсти с нашей овцы можно собрать сколько угодно. Я сама начесала шерсти, спряла нити, смотала их в большой, толстый клубок. Но где вязать варежки? Если дома, мама обязательно поинтересуется, для кого. И тогда разговоров не оберешься. Подумав, я решила пойти на несколько дней в гости к родственникам, в соседнюю деревню. И там за два дня связала чудесные варежки. Даже большой палец, который так трудно вязать, удался мне на славу. Оставалось их только постирать. Но опять-таки дома этого нельзя было сделать. И тогда я доверилась подружке которая жила по соседству. Ее мать, увидев, что дочь берет горячую воду из самовара, стала допытываться, для чего ей столько воды. Девочка не нашлась что ответить, и тайна, которую я так оберегала, чуть было не раскрылась. К счастью, в это время «убежало» молоко, и мать, заахав, бросилась к очагу. А моя подружка благополучно пробралась на чердак, где постирала и высушила мои варежки. Они стали белыми и мягкими, как пух. Я завернула их в бумагу и положила в карман бешмета. Хотя вечер был теплым, я надела этот бешмет и отправилась гулять.

Надо сказать, что подарок мой подоспел вовремя, потому что это был последний вечер, который Рафис проводил в нашей деревне. Окончив семь классов, он возвращался в город к матери.

Выйдя за калитку, я сразу увидела Рафиса. Он стоял в конце улицы, прислонившись к забору, и смотрел, как ребята гоняют мяч. А на другом конце улицы собрались девочки. Вздохнув, я присоединилась к ним, хотя мне куда больше хотелось подойти к Рафису.

Весь вечер я наблюдала за ним. Когда стемнело настолько, что гряда бревен у нашего забора стала невидимой, а воздух так похолодел, что в бешмете я уже чувствовала себя в самый раз, все стали расходиться по домам. Я тоже сделала вид, что иду домой, сама же присела на бревнах у ворот — они были холодными и влажными — и стала ждать.

Рафис пришел почти сразу, словно только и ждал этого момента. Подошел и сел рядом со мной. Мы помолчали. Босыми ногами я чертила на истоптанной земле узоры, невидимые в темноте. Наконец я решилась и сунула руку в карман, чтобы вытащить свой подарок.

— Что это у тебя там шуршит? — спросил Рафис.

Мне вдруг показалось нелепым дарить теплые варежки в середине лета. Но было уже поздно. И тогда, словно перед прыжком в воду, я выдохнула: «Это... тебе!»

Дома Рафис открыл уложенный чемодан и сунул варежки в носки. Хотя он и старался это сделать незаметно от бабушки, она, конечно, все увидела и, влекомая извечным женским любопытством, утром, когда Рафис еще спал, устроила маленький обыск. Увидев варежки, бабушка все поняла и не в силах сдержать радости побежала делиться ею с соседками.

— Моему внуку девушки уже варежки дарят! — гордо сообщала она.

...Когда утром я вышла за ворота, чтобы в последний раз увидеть Рафиса, меня обступили мальчишки. «Варежки! — вопили они. — Гляди, как бы Рафис не отморозил руки в твоих варежках! Варежки... невеста связала жениху варежки!»

В слезах я убежала домой. «Ну и дуреха, — ругала я себя, — на что человеку шерстяные варежки в такую жару! Уж не могла вышить платочка».

С тех пор я не видела Рафиса. Никогда. Судьба не подарила нам больше встреч. Первое время, заслышав шум машины, я выбегала за ворота: не Рафис ли? Но дни шли, а он не возвращался. О переписке не могло быть и речи. Ведь если б почтальон принес в дом письмо, он обязательно отдал бы его моему отцу или матери. А через год и я уехала из нашей деревни.

Прошло много лет. И вот я снова в своей деревне.

В душе моей лежат снега многих и многих зим. Снега эти кажутся неподвижными, навсегда застывшими. Но это только на первый взгляд. На самом деле под ними незримо, неслышно, невидимо текут и струятся потоки той далекой весны...

Вот и сейчас я пришла сюда за вешней водой. Как быстро наполняется мое ведро! Как серебряно звенит ковш, ударяясь о его стенки: дзинь, дзинь, дзинь... А сверху на чистой воде — хлопья тающего, прозрачного снега.

Перевела с татарского Лариса Румарчук.

Мне 47 лет. По профессии я охотник, по увлечению охотник. Короче, вся жизнь моя проходила в тайге.

Много повезло увидеть интересного, удивительного. И над многими загадками природы приходилось ломать голову—это тоже по долгу службы, ведь вслепую невозможно правильно, без ущерба для природы планировать не только промысловую, но и спортивную охоту. Охотник

должен знать, сколько на его участке (а участок исчисляется в сотнях квадратных километров) обитает тех или других зверей, как им живется. Он решает, сколько и каких зверей можно отстрелять сейчас, а каких год-два вообще не нужно трогать. Принимать такие решения—это большая ответственность перед людьми и природой.

Работа охотника трудная и опасная: тайга ведь не только добрая, но и злая. Однажды довелось мне с глазу на глаз столкнуться с медведем-шатунем. Была рукопашная схватка, как говорится, не на жизнь, а на смерть. Ружье он выбил из моих рук, и пришлось отбиваться ножом. Я его уложил, но и он меня помял.

Врачи выносили меня, но я навсегда остался инвалидом. Передвигаюсь с костылями, так что по своей специальности не могу работать сейчас. Но с тайгой не расстаюсь.

Предлагаю вам заметки о природе.

Е. БАРАТАЕВ

ст. Куэнга,
Читинской области.

пытки сбросить филина, прыгал то в одну, то в другую сторону. А филин, вцепившись в заячью спину, все норовил одной лапой схватиться за шероховатую кору стволов, мимо которых они пронеслись. И если бы это ему удалось, считай, зайцу конец. Вдруг заяц увидел перед собой густой черемушный куст и с маху бросился в него. Больно хлестнули ветки по ногам филина, по крыльям, сильный удар пришелся по голове. И филин выпустил из цепких когтей добычу, упал в снег.

Заяц же после этого страшного приключения забрался под выворотень и долго отлеживался, залечивая раны.

Кто мне об этом рассказал?

Следы на снегу рассказали. О-о, они о многом могут поведать, если к ним хорошенько, с понятием присмотреться.

Рисунки И. КЛЕШКО.

Ожившие рыбы

По реке шла шуга. А у берегов, где течение тише, река замерзла. Иду я берегом и слушаю, как шумит река, стонет, злится, не желая уходить под толстый лед на долгие зимние месяцы. Вдруг путь преградила отвесная, круто уходящая в реку скала. Пришлось ступить на лед. Шел с опаской, осторожно, лед потрескивал, прогибался.

Но что это? Не иначе рыб затерло шугой. Так и есть, пять таймешек лежат в ледяной кашке. Подобрал, сложил их в мешок. Принес домой и бросил в ведро с водой, чтобы разморозились: тогда легче их разделывать.

Через несколько минут слышу: в ведре плещется. Заглянул в него, а рыбы-то мои оживили! Для меня было загадкой, как же таймени «воскресли».

В специальной литературе я прочитал, что если внезапно снизить температуру или перенести рыб в более холодную воду, они впадают в шок. Но стоит вновь поместить рыб в теплую воду, они возвращаются в свое обычное состояние.

Оказывается, нет ничего таинственного в том, что рыбы, которых я принес тогда домой,

ожили. В шоковом состоянии они пробыли недолго, у них еще не успели промерзнуть ткани и образоваться кристаллы льда, губительные для любого живого организма.

В природе есть и исключения. Не погибают замерзшие пиявки. Личинкам комаров и стрекоз тоже морозы не страшны.

Поединок в тайге

Сидел старый филин на сухоствольной сосне, тихонько сидел, неподвижно: прислушивался к ночным шорохам. Лесные звуки о многом рассказывают филину-охотнику.

Слышит старый филин: пробежала совсем рядом косуля, а вот чуть подальше, еле слышно хрустят снегом, прошла голодная волчья стая. Где-то в низине сердито тявкнула лисица. Чу! Кто-то фыркнул. Раз, другой... Это заяц!

Старый филин весь напрягся и приготовился к охоте. А зайчишка все ближе и ближе. И когда длинноухий оказался у самой сосны, филин, сложив крылья, камнем упал на него и острыми когтями крепко вцепился в спину. Заяц от испуга и боли пронзительно заверещал и рванулся бежать. Он делал отчаянные по-

Муравьиная больница

Следы хорошо отпечатались на болотистой почве. Они шли из зарослей боярышника в лес. Здесь были и старые и совсем свежие. Словом, передо мной была звериная тропа. А без дела лесной народ не ходит.

Я притаился за кустом. Хозяин дорожки не заставил долго себя ждать. Это был барсук. Он шел понурый, шерсть его висела клочьями.

Потихоньку иду за зверьком. Барсук миновал кочки, вышел в колод, потом на поляну и, путаясь лапами в траве, добрался до леса. Вот он у громадного муравейника.

«Ну,—думаю,—если начнет разорять—пугну».

Нет, барсук не стал обижать муравьев, а только прислонился к коричневой куче. Мигом в муравейнике была объявлена тревога. Насекомые тысячами набросились на зверька. Всеми силами стараются прогнать непрошеного гостя от своего дома. А тот только побряхтывает да бока свои подставляет: дескать, кусайте сколько вздумается, моя боль сильнее.

Много раз я слышал—рассказывали бывалые таежники, что муравейник—это лесная больница. Теперь пришлось увидеть самому. Существует предположение, что звери у муравейников лечатся от ревматизма.

По следам наших выступлений

«ДИАЛЕКТИКА КАЧЕСТВА»

Под таким названием была напечатана в № 11 «Работницы» за 1976 год статья Т. Костыговой. Министерство легкой промышленности СССР, как сообщил заместитель министра А. И. Плехов, рассмотрело эту статью.

Министерство проводит систематическую работу по улучшению качества и расширению ассортимента товаров легкой промышленности, по ускорению внедрения в производство новых изделий. Министерством союзных республик ежегодно устанавливаются задания по выпуску изделий с государственным Знаком качества, нового, модного ассортимента, пользующихся повышенным спросом населения.

Межведомственная комиссия ВИАлегрпрома, в состав которой сейчас введены представители торгующих организаций, Госстандарта СССР, Госкомцен СССР, ежемесячно рассматривает образцы новых трикотажных изделий, отмеченных на художественных советах оценкой «отлично», с целью рекомендации их к выпуску с индексом «Н». Эти изделия отражают направление моды, в них применены новые виды сырья и материалов, полотна новых переплетений и структур.

Для упрощения порядка утверждения цен на трикотажные изделия особо высокого качества подготовлена шкала надбавок к оптовым и розничным ценам, которая позволит предприятиям самим определять временные цены на свою продукцию. Кроме того, республиканским промышленным объединениям предоставлено право проекты цен на особо мод-

ные трикотажные изделия представлять сразу в Госкомитет цен СССР, минуя промежуточные инстанции.

В 1977 году будет закончена разработка нового прейскуранта на изделия верхнего трикотажа, исходя из фактического расхода материала и его стоимости, с учетом сложности изделия, видов отделки и т. д. С помощью нового прейскуранта предприятия смогут сами определять цены на новую продукцию.

Министерство легкой промышленности СССР считает целесообразным распространить опыт работы Республиканского дома моделей (г. Киев) с предприятиями Укртрикотажпрома по разработке нового ассортимента изделий. С этой целью намечено провести в Киеве совещание представителей министерств легкой промышленности всех союзных республик.

БАМ. Сегодня это больше 600 километров железнодорожных линий и первый поезд, пришедший на землю Якутии. Это две тысячи прорубленных в таежной глухомани просек и 48 новых поселков. Это многоэтажные дома города Тынды и раньше срока вступивший в строй Шимановский завод железобетонных конструкций — первенец крупнопанельного домостроения для БАМа.

На снимках — молодые строители Западного участка Байкало-Амурской магистрали.

● Геодезистки мехколонны № 142 Галина Михнюк, Валентина Заика, Наталья Заранок.

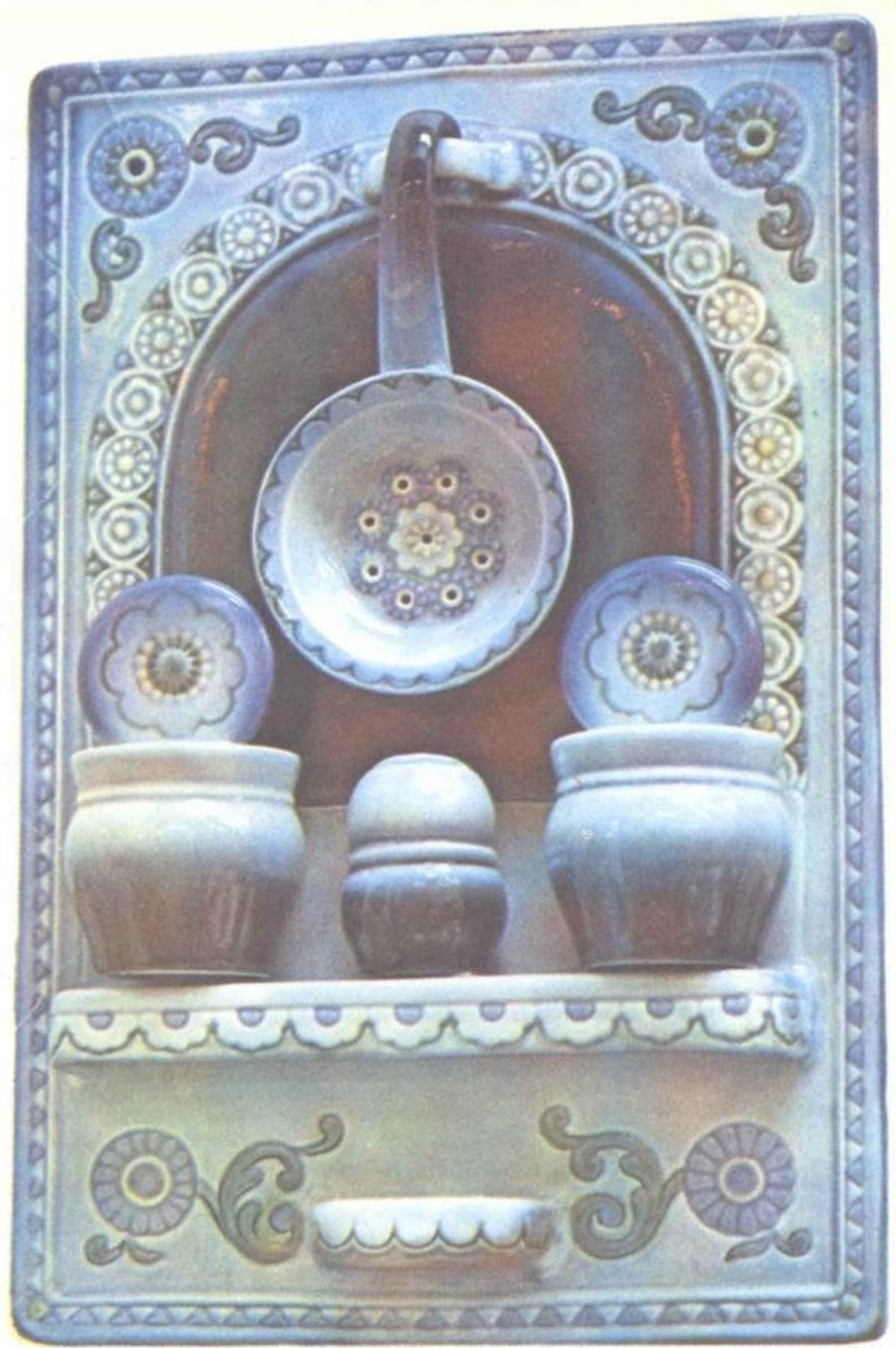
● Повариха бригады лесорубов Луиза Самохвалова.

● Рабочая маркшейдерской группы «БАМтоннельстрой» Анжелика Костова.

Фото А. ЛЕХМУСА.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

- Кукла из соломки (Могилевская фабрика художественных изделий).
- Столовый сервиз (Конаковский фарфоровый завод).
- Кухонный набор (Куйбышевский завод строительной керамики).
- Айя (Камчатское объединение художественных промыслов).

Очевидно, у каждого есть в доме предметы, на первый взгляд вроде и бесполезные, но памятные и оттого дорогие сердцу. Будь то резной камушек, или берестяной туесок, или другая какая безделица. Возьмешь в руки и невольно вспоминаешь дороги дальние, встречи, города...

Будто большая шкатулка, полная золота-серебра, встречает гостей выставка «Сувениры, изделия художественных промыслов и подарочные товары», открывшаяся на ВДНХ СССР. В прозрачных кубках переливаются, сверкают грани изделий из хрусталя и стекла, поражает отточенность узора по дереву и изящество кружевных плетений, теплый колер ковров и вышивок, яркость национальных орнаментов. Будто настоящим ароматом лета веет от декоративных жостовских подносов, восхищают мастерски выполненные ювелирные изделия. Выставка говорит о хорошем вкусе, желании мастеров прикладного искусства доставлять людям радость.

Обычно дарят то, что понравилось и самому. Здесь же нравится все. Керамические изделия из Молдавии и Таджикистана, чеканка из Тбилиси и Латвии; сервизы и наборы, выполненные мастерами Дулевского фарфорового завода и Ленинградского имени М. Ломоносова; бело-голубая посуда из Гжели, цветное стекло завода «Красный Май».

На добрую память

Переливается рубиновыми гранями ваза «Праздничная» (Ленинградский завод художественного стекла) и нежная «Василек» (Гусевский хрустальный завод). Рядом с блюдами Дятьковского хрустального завода — ковры из Дербента и соломенные куклы из Белоруссии. Прекрасные шкатулки, расписанные мастерами Палеха и Федоскина. Традиционные вышивки с ярким узором прислали на выставку косовские мастерские, что на Украине. Невозможно оторвать взгляд от самобытного творчества мастеров из объединения народных промыслов «Киялы» (Фрунзе), и изделий, выполненных в объединении «Беломорские узоры» (Архангельск), хорошо оформленных кондитерских наборов и коробок с грузинским чаем... Да всего и не перечислять.

— Более десяти тысяч экспонатов представлено здесь, — рассказывает методист павильона межотраслевых тематических выставок Л. М. Литвинова. — Цель выставки — обобщить опыт передовых мастеров сувенирного производства для улучшения качества и расширения ассортимента выпускаемых изделий, отобрать лучшие из них для продажи в юбилейном, 1977 году.

Слов нет, хороша выставка. Но, отдавая дань старинным промыслам, мы понимаем, что им одним не утолить недостаток сувениров. А потому наряду с прекрасными образцами народного искусства необходимо наладить массовое производство более дешевых сувениров, созданных, разумеется, на высоком эстетическом уровне. Некоторые оснащенные современной техникой предприятия наряду с основной продукцией начали производить красивые, а порой и необходимые в быту вещи наподобие деревянной посуды курского лесхоза или кухонных наборов, которые представил на выставку Куйбышевский завод строительной керамики. Это то, что именуется в названии выставки «подарочными товарами». Выпуск таких товаров могли бы освоить и другие предприятия, а мастеров, способных создавать недорогие, но истинно красивые вещи, не так уж трудно найти. Богата талантами наша страна.

М. КОРОТКОВ

НЕ ШЕФСТВО, А СОДРУЖЕСТВО

«За эти годы и я и другие ребята научились смотреть на жизнь совершенно иными глазами. Можно сказать, что мы в нее вошли — и как это оказалось интересно! Как я довольна, что школа дала нам возможность побыть металлургами, электротехниками, продавцами, медсестрами... Мы многому научились и разобрались в самих себе...»

Никогда не забуду особого ощущения, которое возникло у меня в кабине мостового крана. Я поражаюсь его и своей мощи. Вот стоит огромная многотонная плита, а я, маленький человек, движением руки при помощи контроллера поднимаю ее без особых усилий. Я выбрала профессию крановщика и не жалею. Производственную практику и стажировку проходила у крановщицы завода ЖБИ-5 Лидии Лобановой. Лида — комсомольский вождь, депутат областного Совета. Она много знает и очень человечна.

Во время практики, знакомясь с технологическими процессами, новым оборудованием, с лабораторией контрольно-измерительных приборов и автоматики, мы постоянно находились в гуще рабочего класса и многому научились у замечательных тружеников...»

Этим отрывком из выступления ученицы 10-го класса нашей школы Нины Павловой на городской комсомольской конференции я и начну свой рассказ.

Вот уже двенадцать лет мы, то есть школа № 13 и предприятия, о которых дальше пойдет речь, проводим эксперимент по профориентации, политехническому обучению и профессиональной подготовке старших школьников.

Начиная с первого класса дети знакомятся с различными профессиями, особо нужными нашему городу, краю. Ежегодно каждый класс совершает не меньше пяти-шести экскурсий на предприятия. Информация о соответствующих профессиях входит в содержание чуть ли не каждого предмета. Большую пользу приносят и регулярные встречи учащихся со специалистами.

Профессиональной ориентацией ребят одновременно с нами по мере сил занимаются и семьи. Классные руководители советуют папам и мамам, как это делать. Кроме того, мы информируем родителей, что предпринимает в этом отношении школа.

Так мы постепенно подводим учащихся к жизненно важному выбору. А по окончании восьмого класса они, посоветовавшись с родителями, избирают одну из тех профессий, к которым их может подготовить школа. Производственное обучение в девятом классе — это уже в какой-то степени начало трудового пути.

Вот профессии, с которыми мы знакомим ребят: машинист мостового электрокрана, электросварщик, электрослесарь, арматурщик, токарь, лаборант электротехнических лабораторий, медсестра-воспитатель детского

учреждения, швея, продавец. Как видите, довольно широкий выбор. Это позволяет нам учитывать и профпригодность и специфические интересы юношей и девушек. По просьбе школы исполком городского Совета закрепил за нами в качестве базовых несколько предприятий. Среди них — заводы комбината «Братскжелезобетон», городское лечебное объединение № 2, детские комбинаты, фабрика индпошива, ряд магазинов, лаборатории кафедр физики и энергетики братского филиала Иркутского политехнического института.

Обо всех наших связях в статье рассказать немисливо, поэтому я буду говорить только о содружестве с комбинатом «Братскжелезобетон». Это — одно из крупнейших предприятий строительной индустрии в Восточной Сибири. Его продукция идет в Железногорск, на Усть-Илим, на строительство БАМа. Знают марку предприятия и за рубежом. Здесь ребята могут получить не только нужную для страны профессию, но, и обширные представления о промышленности края.

Дружба наша началась с... «профориентации» учителей. Двенадцать лет назад в цехах заводов «Братскжелезобетона» впервые появились педагоги нашей школы. Ведущие специалисты рассказывали им о развитии Братского энергопромышленного района и перспективном плане строительства города, о потребностях в квалифицированных кадрах.

Знакомая с инженерами, техниками, рабочими, учителя не только сами обогащались знаниями. Появилась возможность у обеих сторон присмотреться друг к другу, найти общий язык. Педагоги постепенно находили на заводах людей, которые могли и хотели работать со школьниками. Как правило, это были лучшие работники комбината, люди высокой культуры, увлеченные своим делом. Правда, специальной педагогической подготовки у них, естественно, не было. И тогда начала «работать» обратная связь. Учителя провели цикл бесед по педагогике и психологии. Инженерно-технических работников стали приглашать на школьные педагогические советы, а учителей — на заседания завкомов, производственные совещания, партийные и комсомольские собрания в цехах... Но это уже позже, когда контакты стали более тесными. А вначале на педагогическом совете был утвержден план совместной работы, создана комиссия по профориентации. В нее вошли управляющий и главный инженер комбината, директор, главные инженеры и главные механики заводов, секретарь комитета ВЛКСМ и председатель профкома, директор школы, зам. директора школы по производственному обучению, секретарь школьного комитета комсомола, классные руководители.

К тому времени, как школьники пришли в цеха комбината, продумано было содержание производственной практики, подобраны и под-

Степюшка и Митя

Размышление о послушании

У меня два сына. Старшему десять лет, младшему пять. Оба светленькие, оба голубоглазые, оба круглолицые. Однако этим сходство и ограничивается. Старший, кажется, с самых пеленок растет упрямым, своевольным, строптивым. Он очень сдержанный. Младший—душа нараспашку, покладистый, послушный. Старший и в раннем детстве был сверх меры самостоятельным, младший все бы держался за мою юбку. Старший если упрется, то хоть на куски его режь, с места не сдвинешь, не заставишь сделать то, чего он делать не хочет. Младший иногда заартачится, но как только увидит, что дело оборачивается серьезно, тут же идет напопятную: «Есть из-за чего сориться!»

С младшим легко, со старшим—ой как трудно. Я ему говорю: «Делай так». А он отвечает: «Нет, мне так неудобно». Ему удобно держать ручку каким-то невероятным образом. Ему удобно завязывать шнурки ботинок немислимым узлом, который постоянно развязывается. Ему гораздо удобнее влезть в окно, чем пройти через дверь.

Я твержу: «Так не делают, посмотри, что у тебя получается!» Он стоит на своем: «А мне так удобно»,—и гордо наступает на развязанные шнурки.

Он спрашивает: «Можно, я дам кошке печенья с вареньем?» «Да не едят кошки варенья!» «Ну, я все-таки попробую, а?» Я выхожу на пять минут из кухни, а когда возвращаюсь, вижу... кошку, которая с урчанием поедает Митино угощение—печенье с вареньем. «Ест все-таки,—как бы извиняясь передо мной, говорит Митя.—А ты думала, все кошки сладкого не любят? Наверное, наша кошка какая-то особенная...»

Мы идем по улице. «Я поймаю воробья?» «Да что ты, разве воробья руками поймает? Пойдем, некогда». «Ну, я на одну минуту!» И уже бежит, не слушая моих протестов. Я злюсь: мы опаздываем, а он придумывает нелепые затеи. Но тут появляется Митя... с воробьем в руках. Как он его поймал, уму непостижимо. Наверное, очень уж хотел. И вот что интересно. Он не скачет передо мной, не кричит: «Ну что, не поймал?» Совсем наоборот. Митя выглядит даже несколько смущенным и пытается объяснить, что просто ветер дул от воробья, поэтому воробей человека и не учуял. А вообще-то, конечно, воробья поймать ужасно трудно. Это просто случайно вышло. Но ведь вышло же!

Нет более послушного и спокойного ребенка, чем Степа. Я могу оставить его на улице, сказав: «Будь здесь»,—и он будет на этом месте, даже если я вернусь только через час. Митю в таком случае пришлось бы искать по всей Москве и Московской области. Если Степе сказать, что того-то делать нельзя, он делать этого не будет. Если ему показать, как делать правильно, он всегда будет делать только так и никак не иначе. Он аккуратный, он общительный, он вежливый. Его не за что

ругать, невозможно не хвалить. Воспитатели в детском саду иногда меняются, но не меняется отношение к Степе: образцово-показательный ребенок.

Для Степы едва ли не каждый взрослый—непререкаемый авторитет. Сказали, что это так,—значит, только так.

Однажды я, в сотый раз и безрезультатно повторив Мите какое-то свое замечание, совершенно вышла из себя и сказала: «Слушай, я сейчас возьму ремень и тебя выдеру». Еще в течение двух минут я объясняла Мите, насколько его поведение невыносимо. Вдруг Степа потянул меня сзади за рукав. Я обернулась. Степа, глядя на меня ясными глазами, протягивал мне ремень. «Я хороший, я послушный, я очень хочу помочь. Ты ни о чем не просила, но я пошел и принес ремень—ведь он тебе нужен!»—вот что было написано на безмятежной Степиной мордашке. Нет, он не думал о Мите, когда шел за ремнем, и вовсе не желал ему зла, он хотел только помочь мне.

Если бы Степа таил против Мити зло, был бы обижен за что-то, его поступок был бы очень неприятен, но хоть понятен. А тут... Они только что дружно играли, строили дворцы из кубиков, смеялись. Я была совершенно растеряна и не придумала ничего лучше, чем закрыться в ванной и разреветься. А потом я сказала Степе: «Знаешь, а Митя никогда не принес бы ремень, чтобы тебя драли». Митя же философски заметил: «Да что он понимает? Маленький еще». Он даже не обиделся на Степу. Степа смотрел глазами, полными слез, то на Митю, то на меня, и мучительно старался понять: что же произошло? Понял ли?

Я надеюсь, что это было случайностью, что на Степу нашло затмение, но до чего горько было мне в тот день!

* * *

Митя любит Степу, несмотря на то, что слышит о нем (часто себе в укор) массу самых лестных отзывов. Они подолгу играют вместе, редко ссорятся, и общение с Митей, видимо, не пройдет для Степы бесследно. Я часто слышу из-за стены Степин голос: «А мама сказала, что нужно делать вот так...» И тут же Митя отвечает: «А своя голова на плечах у тебя есть?»

Степа не стал бы ловить воробья, раз сказали, что это невозможно. Не стал бы, если бы Митя на его глазах этого не сделал. Я думаю, что в другой раз и Степа попробует совершить что-нибудь невозможное. Получается, что Митя воспитывает младшего брата по своему образу и подобию. Но я и сама понемножку стараюсь учить его... да, непослушанию. Нельзя быть бездумно послушным. И родителям нужно, видимо, иногда делать так, чтобы, поступив по-своему, ребенок оказывался прав. Пусть знает, что он и сам может принимать правильные решения, и пусть думает своей

готовлены инструкторы-наставники и преподаватели теоретических спецкурсов. Нам было ясно: учить—так учить основательно. Только курс теории по основным рабочим специальностям составляет 190—200 часов. А всего трудовое обучение вместе с практикой занимает 356 часов.

Как только доходит до работы, среди ребят стихийно возникает соперничество: каждому хочется побыстрее получить разрешение управлять краном, изготавливать детали, что идут непосредственно в производство. День, когда инструктор-машинист передает практиканту контроллеры, когда электросварщик доверяет пареньку самостоятельно варить детали, для каждого из них—праздник.

Кстати, о празднике. Заботясь о том, чтобы наши питомцы получали профессию прямо на заводе, мы, конечно, думали и о моральной стороне дела. Влияние рабочей среды оказалось гораздо более многогранным, чем мы предполагали. Учителя отмечают, что у ребят во время практики характер меняется подчас на глазах. То, что они участвуют в производстве материальных ценностей, поднимает чувство ответственности, появляется потребность в самовоспитании и самообразовании (это видно и по библиотечным формулярам). Фактически ребята стали участниками чуть ли не всех, больших и малых, событий жизни комбината. Они постоянно общаются с передовиками производства, бригадами коммунистического труда, недавними выпускниками школы, а теперь—рабочими. Гораздо более интересной и значимой стала и общественная жизнь школы—комсомольские собрания, пионерские сборы в красных уголках завода, участие в заводских спортивных соревнованиях, молодежных вечерах и походах, в кружках художественной самодеятельности. Мы уверены, что и те, кто после окончания школы не пришел на комбинат, так или иначе испытывали на себе благотворное влияние его коллектива, получили долю рабочей закваски.

Хотелось бы мне, чтобы задумались над этим некоторые родители, которые жаждут, чтобы их дети сразу же после школы непременно попали в институт. Я не говорю уж о том, что есть у некоторых какое-то недостойное пренебрежение к рабочим профессиям, характер которых благодаря научно-техническому прогрессу меняется коренным образом. И другое—насколько продуманнее подходят к выбору профессии (а значит, и института) те, кто прикоснулся к живому делу! Многие наши выпускники прекрасно совмещают работу и учебу, причем учатся с увлечением, а не по-школярски, абы диплом получить.

Судьбы наших питомцев—доказательство, что мы на верном пути. За двенадцать лет были подготовлены и вместе с аттестатом получили специальные удостоверения 896 выпускников нашей школы, овладевших той или иной профессией. Из них учатся на дневных, вечерних, заочных отделениях институтов и уже окончили вузы и втузы 253 человека. Учатся в различных среднеспециальных учебных заведениях и окончили их—128. Работают по тем специальностям, которые они приобрели еще в школе,—371. Работают по смежным специальностям 147 выпускников. И только 74 впоследствии избрали другую профессию.

Вчерашние ученики, а нынешние передовики производства сами стали наставниками, обучают профессии, воспитывают уважение к труду рабочего у ребят из своей родной школы.

Содружество наше крепнет. Мы получили могучих союзников в своей воспитательной работе, а предприятия города и края пополняются молодыми, знающими, преданными своему делу тружениками.

А. ОВЧИННИКОВ,
зам. директора школы № 13,
кандидат педагогических наук

г. Братск.

ФОТОКОНКУРС

СЕМЕЙНЫЕ СТРАНИЦЫ

А. ЛЕХМУС (Москва).

А МАМА СМЕЕТСЯ...

головой, прежде чем слушать других. Я иногда даю возможность Степе оказаться правым: вступаю с ним в споры, из которых он выходит победителем. Раньше он в таких случаях изумленно тарачил глаза, но, увидев несколько раз, как Митя побеждает меня в споре, а я этому радуюсь, быстро подключился и сейчас вполне уверенно спорит со мной и высказывает свои соображения. Я не боюсь перестараться!

Чего мы хотим, добиваясь от ребенка абсолютного послушания: блага для него или удобства для себя? Не получится ли, что он перестанет думать сам? Сегодня скажут: делай так—он сделает так, завтра скажут: делай иначе—пожалуйста, сделает иначе. А как же быть с собственным мнением? Как быть с жизненными принципами? Нет, я не предлагаю родителям спокойно смотреть, как их чада творят все, что пожелают. Чада могут натворить такого, что потом век не разберешься. Если детям позволить все, они могут вырасти просто избалованными эгоистами. И все-таки нужно, чтобы они учились сами думать, сопоставлять и отстаивать правду.

Никто не может быть правым всегда, даже мы, родители. Дети порой лучше нас понимают и чувствуют разные ситуации, и далеко не всегда они упорствуют зря. Нам же часто бывает некогда вникать в суть вопроса. Например, родителям не нравится подруга их дочери. И они, ничуть не сомневаясь в своем праве,

запрещают девочкам дружить. Им и в голову не приходит, что, отказавшись подчиниться их решению, ребенок отказался быть беспринципным и бесхарактерным. Хороша была бы дружба, послушно кончившаяся от запрета! Но может случиться и так, что страх наказания заставит девочку таиться от родителей, и тогда в семью придет ложь—неотвязная спутница послушания из-под палки, показного послушания. Можно попытаться всеми возможными способами все-таки добиться от ребенка беспрекословного послушания, но скорее всего из этого ничего не получится. Только измучаешься сама и измучаешь его. Если же все-таки достигнешь своей цели, в будущем победа твоя как бы не обернулась горем: из сломленного твоей волей ребенка может вырасти и не уверенный в себе человек со слабой волей или озлобленный, мстящий всем и вся. Сладко ли это матери?

Как часто мы ставим на ребенке клеймо «непослушный», вместо того чтобы разобраться в каждом конкретном случае; вместо того чтобы выяснить причину непослушания, наказываем детей, не зная, что однажды наш ребенок был наказан за то, что защитил малыша (драка—вот факт для нас, а из-за чего она, мы не удосужились выяснить), в другой раз—за то, что показал дорогу заблудившемуся человеку («Тебе же не разрешили уходить от дома»,—а зачем ушел, нам неважно), в третий—за то, что не захотел подвести

товарищей (вы зовете его домой, а их команда проигрывает—хорош бы он был, если бы оставил друзей!). У ребенка постепенно растет уверенность в том, что нет в мире справедливости, и уж если ее искать, то никак не у взрослых.

Если такая уверенность укоренится глубоко, то для ребенка это может обернуться настоящей трагедией. На свете живет много непонятых детей. Они кажутся злобными, дерзкими, они многое делают просто «из вредности», они лгут и грубят... Подумаем, не оттого ли они такими стали, что за каждой их ошибкой мы видели злонамеренность, за любознательностью—надоедливость, за самостоятельностью—упрямство. И дети отчаялись, привыкнув к тому, что они всегда виноваты, а правы никогда, и нет смысла даже пробовать объяснить кому-то причины и мотивы своего поведения.

Спору нет, иметь дело с непослушными детьми тяжело. Мало у кого хватает терпения на то, чтобы без конца вникать, разбираться, сортировать их поступки и проступки. Но когда родители стремятся к этому, полдела уже сделано. Ребенок обязательно почувствует ваше доброе внимание.

Родителям трудно, но детям-то во много раз труднее—хотя бы потому, что они дети, что у них еще не отработана «система тормозов» и каждый шаг навстречу родителям против собственных интересов для них едва ли не подвиг, это нужно ценить.

Если родители раз, и другой, и третий разрешали ребенку поступать по-своему, конечно, не в ущерб другим, если они много раз беззлобно смеялись над упрямцем, когда уже можно было и рассердиться,—то в какой-то важный момент, услышав твердое «нельзя», ребенок поймет, что это действительно серьезно. Пока было можно, а сейчас—нет.

«Так не делают»,—говорим мы детям и хотим, чтобы они верили нам на слово. А дети приходят к нам с разбитыми носами, с обожженными и порезанными пальцами, плачут и говорят: «Я только хотел попробовать». Мы сердимся, огорчаемся, жалеем своих глупых детей, мы напоминаем им: «Ведь тебе говорили, что так делать нельзя!» Ребенок горестно кивает головой: как же, он прекрасно помнит, действительно говорили... Но в следующий раз он снова непременно захочет убедиться во всем сам.

И это замечательно! Стоит подумать, что было бы, если бы дети всегда слушали сверхосторожных родителей? Откуда взялись бы тогда летчики-испытатели, капитаны дальнего плавания, альпинисты и водолазы, пожарники и змееловы? А ведь далеко не все мамы мечтают о таких профессиях для своих детей!

Непослушные дети вырастают, взрослеют, и бывшая строптивость нередко перековывается в пылкость и дерзость ума и воли. «Мне так неудобно»,—говорит иной «непослушный» и изобретает или открывает нечто совершенно новое. Ведь любое изобретение—это когда человек сделает так, как «не делают», как до него никто не делал.

Конечно, далеко не все «непослушные» делают открытия, и нет никакой гарантии, что именно наши Алеша и Пети потрясут мир. Но если это будут не они, то, наверное, кто-то из похожих на них упрямцев...

...Никто не станет спорить, что самостоятельно мыслящий человек—это замечательно. Никто не скажет, что хорошо жить по принципу «чего изволите-с?». Вряд ли, читая Марка Твена, кто-нибудь проникся симпатией к чинному, прилизанному, послушному Сиду. Естественно, что именно Том Сойер с его вечными выдумками вызывает всеобщий интерес и симпатии. Про Сиду и рассказать нечего, а Том живет каждую минуту, и до чего яркая у него жизнь! Мы любим Тома у Марка Твена, но у себя дома все же предпочитаем иметь Сиду... Странно, не правда ли?

Увы, речь не о местном варианте вологодских кружев или украинских рушников.

Есть по улице Советской в Мичуринске, Тамбовской области, швейная фабрика имени Н. К. Крупской. А на этой фабрике стоит оборудование. Стоит в прямом и переносном смысле. В том смысле, что простаивает. Среди причин работники называют отсутствие запчастей, моторов, а также отверток.

Но серьезно ли это—чтобы из-за

каких-то отверток стояло дело?

Вот у их коллег из Умётского комбината бытового обслуживания той же Тамбовской области причина посерьезней. Недавно они перекочевали в новое здание, где уже стояло новое оборудование. Оно и сейчас стоит. В том смысле, что простаивает. Не хватает настоящего мужчины. А именно механика. «...И многие операции,— пишут рабочие КБО,—приходится выполнять вручную. А машины стоят...»

Такое вот рукоделье...

ДЕРСОЛЬ

СКОЛЬКО ЖДАТЬ ОБЕЩАННОГО?

Три года и три месяца минуло с той поры, как Мария Васильевна Елкина отдала шить куртку в ателье № 1 поселка Белье Столбы. Домодедовского района, Московской области. Закройщик Бинкевич И. Ф. никак не хочет признать, что испортил куртку, а заведующая Скилова Н. Г. то устно, то письменно обещает разобраться в этой истории, даже приглашала Марию Васильевну на трижды не состоявшуюся комиссию. Шесть раз была за это время Мария Васильевна и у директора Домодедовского комбината бытового обслуживания тов. Дахтаренко В. Т. Но—ни куртки, ни денег...

А говорят, обещанного три года ждут.

После двухразовой работы стиральная машина «Симбирка» запросила ремонта. Хозяйка машины Л. Е. Кисорец тут же отправила ее из г. Балашова на Ульяновский завод металлобыстремонта.

И вот более года «Симбирка» находится там. Это установлено розыском станции отправления. Но что делают с ней, никому не известно. Фирма строго хранит тайну. На все запросы, посылаемые на имя директора завода, приходят сообщения: «Письмо вручено вахтеру Азаровой». А что же с «Симбиркой»? Кто раскроет тайну?

Когда набухают почки на деревьях и весна вступает в свои права, в г. Талды-Кургане открывается детский комбинат № 17 с поэтичным названием «Светлячок». Радостно встречают малышей глазастые куклы, плюшевые мишки, симпатичные слоны. Веселый детский гомон слышится там до наступления холодов. Так бывает каждый год. За пять лет существования комбината мамы и папы твердо усвоили: «Светлячок» светит, но не греет. Отопительная система сама по себе почему-то не налаживается. Поэтому с наступлением холодов и умолкают звонкие ребячьи голоса, куклы закутываются во что потеплее, и закрываются двери детского комбината до следующей весны.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

МАМА, ДАВАЙ

Вы еще молоды, но фигура расплылась, талии нет. После родов прошло 4—5 лет, а вы никак не можете похудеть. Осанка плохая. Ох как нужна вам гимнастика! Но все некогда—работа, хозяйство, скажете вы. А тут еще ребенок просит с ним поиграть. А что, если соединить эти две заботы—поиграть с ребенком и одновременно заняться гимнастикой для себя?

Стоит только начать, и вы убедитесь: ребенок не даст вам пропустить ни одного дня без гимнастики. Его увлеченность и восторг помогут вам преодолеть усталость, а порой и лень.

Пройдет немного времени, и все окружающие—муж, знакомые, товарищи по работе—станут удивляться: «Как вы хорошо выглядите!» А эмоциональный контакт с ребенком—разве это не стоит труда?

Мы предлагаем упражнения, которые можно выполнять вместе с ребенком-дошкольником. Из них следует выбирать те, которые подходят физическому развитию вашего ребенка, вашим квартирным условиям. Постепенно видоизменяйте комплекс упражнений, исключая одни и добавляя другие элементы.

Сначала делайте всего 8—10 упражнений, повторяя их 3—4 раза, постепенно увеличивайте и количество упражнений и число повторов. Постарайтесь выполнять упражнения так, чтобы это напоминало игру.

Перед началом занятий непременно проветрите комнату, приведите в порядок пол (ковер). Оденьтесь удобней, ходите босиком. Следите за дыханием—оно должно быть равномерным. После эмоциональных упражнений, когда ребенок возбужден, громко смеется, отдышайте. Закончив занятия, примите душ и смените одежду.

* 1. Взять ребенка за руки и походить с ним по комнате, чередуя шаги: на всей ступне, на носках.

На следующих занятиях ходить «петухом», важно, как бы переступая через препятствия, или «гусем», переваливаясь с боку на бок.

* 2. Стоя лицом друг к другу, присесть, пружиня, 2 раза, затем подать руку: «Здравствуй!» Повторить, подавая другую руку.

Стоя лицом друг к другу, подпрыгивать на месте, хлопая в ладоши. А потом пусть это движение перейдет в короткий танец-импровизацию.

* 3. Стоя лицом друг к другу, делать круговые движения руками сначала вперед, потом назад. Взяться за руки и повернуться направо, смотреть через плечо друг на друга. Отпустить руки и снова повернуться лицом друг к другу. Снова взяться за руки, повторить упражнение с поворотом в другую сторону.

** 4. Сесть на пол, ноги скрестить. Наклон вперед, пытаться схватить друг друга. Выпрямиться, руки к лицу, растопырив пальцы.

То же, но при наклоне вперед хлопнуть 3 раза по полу, как можно дальше от себя, затем друг друга по ладошам.

* 5. Сидя, руки в упор сзади. Поднять ноги, вытянуть носки и прогнуться. Охватить руками колени, голову—к коленям, носки вытянуть.

* 6. Стоять лицом друг к другу. Мамины руки на плечах ребенка. Пружинистые наклоны в стороны.

То же, делая выпады вперед.

* 7. Стоять лицом друг к другу, держась за руки. Прыжки: ноги врозь—ноги вместе. Ходьба на месте, размахивая руками, поднимая повыше колени.

Можно подпрыгивать по-другому: например, ногу вперед—назад.

* 8. Стоять лицом друг к другу, руки на поясе. Втянуть живот—кто больше! Проверять друг друга, чтоб не поднимались плечи и ноги были прямыми. Расслабиться.

*** 9. Встать на четвереньки. Маме прогнуться, ребенок проползает у нее под животом. Пока ребенок разворачивается, маме округлить спину, затем вновь прогнуться—и ребенок возвращается на четвереньках обратно. При повторении упражнения ребенок,

9

10

12

ЗАНИМАТЬСЯ!

ИЗ ЧЕРСТВОГО ХЛЕБА

поднимаясь с четверенек, бегают вокруг мамы, потом снова проползает под ней.

** 10. Лежать на животе, ноги согнуты в коленях, носки вверх, голова поднята. Сомкнуть пятки, потом носки. Выпрямиться, опустив голову, затем повторить.

** 11. Мама стоит, ноги врозь, правая рука в сторону. Ребенок держится обеими руками за мамину руку. Наклон вправо, ребенок тянет руку вниз, отпускает и бежит налево. Мама расслабляется, наклоняясь вперед, и выпрямляется. Повторить в другую сторону.

** 12. Стоять лицом друг к другу, держась за руки. Ребенок шагает по коленям, бедрам, животу мамы, словно взбираясь наверх, делает кувырок, повисая вниз головой. Отпустить руки и выпрямиться. Когда упражнение станет хорошо получаться—делать кувырок вперед и назад, не отпуская рук.

** 13. Мама стоит, ноги врозь. Ребенок, обхватив мать руками, стоит на ее ногах. Оба делают круговые движения тазом вправо и влево.

То же, только ребенок стоит к маме спиной.

** 14. Мать держит ребенка за правую руку и ногу и раскачивает его в воздухе. Повторить, сменив ногу и руку.

То же, только мама уже не стоит, а кружится вместе с ребенком.

*** 15. Мама ползет на четвереньках, ребенок едет на ней верхом.

*** 16. Мама лежит на спине, поднятые ноги согнуты в коленях, голени параллельны полу. Ребенок ложится на голени, держа маму за руки. Мама выпрямляет колени, придерживая ребенка за плечи. Ребенок прогибается.

*** 17. Можно изменить упражнение: ребенок лежит на голених, но мама уже не выпрямляет, а сгибает колени, прижимая их к груди, затем снова выпрямляет. А если тяжело, опускает ноги на пол и отдыхает. У ребенка руки в стороны.

*** 18. Еще вариант этого упражнения: мама поворачивает голени, на которых лежит ребенок, вправо и влево.

*** 19. Мама лежит на спине, ноги

подняты и согнуты в коленях и голеностопных суставах (носки к себе). Ребенок ложится маме на подошвы, а она поднимает и опускает его или поворачивает вправо и влево.

*** 20. Мама лежит на спине, ребенок—на ее прямых ногах. Мама поднимает ребенка ногами на 45° и опускает.

*** 21. Мама сидит, ноги врозь, и держит ребенка, стоящего перед ней, за талию. Ребенок подпрыгивает, и мама на лету сажает или—что труднее—кладет его себе на плечо, затем на другое.

** 22. Стоят друг перед другом.

*** Мама переносит прямую ногу через голову стоящего перед ней ребенка, а он старается руками коснуться ее ноги. То же другой ногой. Можно делать и махи ногой в сторону—тогда ребенок стоит сбоку.

*** 23. Мама лежит на спине, ноги согнуты в коленях. Ребенок стоит к ней лицом и переносит то одну, то другую прямую ногу через ее колени.

** 24. Мама стоит на четвереньках.

*** Ребенок опирается руками на ее спину. Оба делают махи ногой назад.

*** 25. Мама стоит за спиной ребенка, держит его под мышками или за пояс. Ребенок подпрыгивает, прогнувшись, разводя руки и ноги, а мама как бы подбрасывает его вверх.

*** 26. От предыдущего упражнения у мамы устали руки—она должна их расслабить и покатавать лежащего ребенка по полу.

** 27. Закончить занятие бегом на месте или по комнате, размахивая руками, как птица крыльями или как ветки, трепещущие на ветру, и так далее.

Примечание: значками *, **, *** отмечены упражнения разной степени трудности. Сначала включите в свой комплекс самые простые, отмеченные значком *, через две недели вам уже будут доступны упражнения со значком **, а через месяц—и со значком ***. Добавляйте их в свой комплекс, заменяя и усложняя старые.

Л. ЯАНСОН,
старший преподаватель
Тартуского университета

И ИЗ БЕЛОГО

Хлебный пирог с яблоками. Снимите с черствого батона корку, разрежьте вдоль, каждую часть нарежьте на ломтики толщиной 3—4 сантиметра. Яйца взбейте с молоком и сахарным песком, намочите ломтики хлеба и уложите на противень, предварительно смазанный маслом и обсыпанный панировочными сухарями. Яблоки очистите, удалите сердцевину, нарежьте ломтиками, опустите в кипящий сахарный сироп на 3—4 минуты, выньте и дайте остыть. Приготовленные яблоки уложите на слой хлеба, сверху накройте начинку таким же слоем хлеба и запекайте в духовке. Не кислые яблоки можно не отваривать, просто пересыпать сахарным песком.

На батон белого хлеба: 3—4 яблока, 2—3 яйца, стакан молока, полстакана сахарного песка

Пудинг. Черствый хлеб замочите в молоке на 40—50 минут, разотрите, добавьте взбитые яйца, сахар. Можно добавить еще свежие или консервированные ягоды (без косточек) или изюм. Выложите в форму (противень, сотейник, неглубокую кастрюлю или специальную форму), предварительно смазанную маслом и обсыпанную сухарями, и запекайте в духовке.

Подавать, полив ягодным сиропом или вареньем, посыпав сахарной пудрой.

На батон белого хлеба: полтора стакана молока, 2 яйца, 100 г ягод.

Кекс. Черствый белый хлеб без корки натрите на терке, положите в кастрюлю, залейте молоком и дайте постоять 30—40 минут. Затем размешайте, чтобы получилась однородная масса. Желтки разотрите с сахаром, а белки взбейте, все это соедините с хлебной массой, добавьте столовую ложку распущенного сливочного масла или сливочного маргарина, полстакана изюма. Выложите в формочки и выпекайте в духовке.

На батон белого хлеба: 0,5 л молока, столовая ложка масла, 1/2 стакана изюма, 3—4 яйца.

Каравай. Городские булочки или батон без корки натрите на терке, положите в кастрюлю, залейте кипящим молоком, дайте постоять час, а потом разотрите до однородной массы, добавьте сахар, сливочное масло, яйца. Размешайте массу, выложите в форму и поставьте в духовку на 30—40 минут. Готовый каравай можно обсыпать сахарной пудрой.

На батон или 2 булочки: 1,5 стакана молока, 4 яйца, 100 г сливочного масла.

ИЗ ЧЕРНОГО

Черные соленые сухарики. Нарежьте оставшиеся черствые куски хлеба маленькими кубиками, посыпьте мелкой солью и подсушите в духовке. Их можно подать к овощному супу и чаю, да и просто похрустеть—одно удовольствие!

Вкусен и тертый черствый хлеб, поджаренный на сливочном масле. Его подадут с вареньем, взбитыми сливками.

Хлебный суп. Куски ржаного хлеба отварите в небольшом количестве воды, можно добавить яблочную кожуру или ломтики яблока. Процедите через дуршлаг, добавьте по вкусу сахар, какое-нибудь варенье или лимонный сок, лимонную цедру, изюм. Когда суп будет готов, хорошо положить в него несколько взбитых желтков.

На стол подать со сметаной.

Запеканка. Смажьте форму маслом или маргарином, посыпьте панировочными сухарями и кладите слоями мелко нарезанные ломтики зачерствелого хлеба, дольки яблок, груш и другие фрукты, посыпьте их сахаром. Сверху—слой хлеба. На хлеб крошите кусочки масла. Взбейте 1—2 яйца с небольшим количеством сахара, добавьте немного молока и полученную смесь вылейте в форму так, чтобы она покрыла содержимое. Выпекайте в духовке 45—50 минут. На стол подавайте с молоком.

Запеканку можно изготовить и другим способом. Поджарьте на масле натертый ржаной хлеб и укладывайте его в форму слоями, перемежая фруктовым пюре либо вареньем. Можно добавить промытый изюм. Залейте смесью из взбитых яиц и молока, выпекайте.

Слоеный хлеб. В стеклянную посуду поместите слоями в определенном порядке тертый черный ржаной хлеб, взбитые с сахаром сливки, мармелад или джем, снова хлеб и так далее. Взбитые сливки можно смешать со взбитым творогом.

15

20

21

25

Хозяйке на заметку

● Все мы любим хлеб свежий, мягкий, горячий. Но куда полезнее хлеб вчерашний. Поэтому и советуют врачи свежие булочки чуть подсушить, а черствые, наоборот, освежить, разогреть. Полезнее всего поджаренный хлеб, гренки.

● Белый хлеб черствеет быстро. Черный же, если держать его отдельно от белого, в хлебнице, на тарелке, закрытой салфеткой, или в целлофане, не потеряет вкуса и свежести несколько дней.

● Хлеб нельзя держать на солнце. Но и холод ему не полезен. Лучше всего обычная комнатная температура.

● Не носите хлеб в сумке вместе с другими продуктами. Заведите для этой цели специальный полиэтиленовый мешочек.

● Ни обычный обеденный, ни торжественно праздничный стол не обходится без хлеба. Хлеб, нарезанный аккуратными тонкими ломтиками, ставят на стол в специальной хлебнице или корзиночке. Батоны режут поперек, формовой хлеб разрезают вдоль на две половинки и потом уже нарезают тонкими ломтиками. Горбушки и куски с отставшей или подгоревшей коркой гостям не подают. На торжественных приемах и банкетах

раскладывают хлеб на пирожковые тарелки (маленькие тарелки, которые ставят слева от основных), каждому гостю отдельно: 3—4 кусочка белого корочкой влево и 3—4 кусочка черного корочкой вправо.

● Хлеб берут из хлебницы руками, а не вилкой. Не надо его резать, не надо откусывать от большого ломтя — просто отламывайте маленькие кусочки и кладите в рот.

● Крошить хлеб в соус, собирать хлебом с тарелки остатки подливки не принято.

ДЕРЖАТЬ
ВЫСОТУ

Художник нарисовал, а фабрика сшила (выткала, напечатала, связала) — так примерно представляется большинству процесс творчества промышленного художника. Между тем этому самому рисованию предшествует большая и разнообразная работа.

Художник-модельер должен хорошо знать сырье. Он работает с текстильными предприятиями, изучает требования потребителей и возможности швейного производства. А промышленность не стоит на месте, потребности людей меняются. В результате этой работы, помноженной на профессиональные знания, эрудицию и талант художника, и рождаются новые идеи, формы и силуэты, вначале изображенные на бумаге. Как правило, это бывает не один эскиз, а серия, или, как мы говорим, коллекция, которая претворяется в модели.

А потом модель идет в массовое производство. На каждое платье, как на машину или станок, разрабатывается технология, чертежи, расчеты, без чего невозможно современное производство. И на этом этапе не обходится без участия художника, хотя его роль ограничивается «авторским надзором»: он должен проследить, чтобы продукция точно соответствовала модели, затем посмотреть, охотно ли ее покупают.

В нашем специальном художественно-конструкторском бюро работает немало талантливых художников. Сегодня читатели «Работницы» познакомятся с одним из них — Татьяной Осмеркиной.

Татьяна Александровна Осмеркина окончила Московский текстильный институт в 1959 году и за эти годы стала опытным художником широкого диапазона. Осмеркина делала модели для зарубежных выставок, пробовала свои силы в создании костюмов для театра и кино. Но истинное ее призвание — моделирование для промышленности. Работая над моделями одежды, она с одинаковым успехом выступает как автор шелковых и шерстяных платьев, костюмов, пальто. Татьяна Александровна имеет свой стиль, который я бы назвала стилем строгой женственности. Она редко создает типично молодежные модели. Ее героиня не девочка-подросток, а молодая и зрелая женщина.

При этом художница всегда отстаивает право на творческую фантазию, без которой невозможно искусство. Она считает важным и необходимым наряду с промышленным моделированием разработку экспериментальных, пусть не очень практичных моделей, которые нужны как разбег для создания новых вещей массового характера, не снижая взятую эстетическую высоту. Сегодня именно художник должен вести за собой производство и потребителя.

Так и поступает Татьяна Осмеркина.

Л. ЕФРЕМОВА,
художественный руководитель СХКБ
Фото Н. МАТОРИНА
и В. БАРЫШНИКОВА.
Рисунки Т. Осмеркиной.

Весна стучится в дверь и ведет за собой множество больших и маленьких забот. Весеннее настроение ощущается и в редакционной почте. Все чаще спрашивают о том, какую прическу сделать. Этот вопрос всегда встает перед нами, когда с облегчением (наконец-то!) снимаешь теплую шапку и подставляешь непокрытую голову весеннему ветру.

Наш корреспондент **А. Чернышева** побывала на заседании художественного совета по парикмахерским услугам при Главном управлении производственных бытовых услуг Министерства бытового обслуживания населения РСФСР. Вот некоторые новинки московских мастеров, предложенные в качестве образцов парикмахерским салонам России.

Прическа «Надежда» (автор — главный художник лаборатории парикмахерских работ Д. Г. Кондрашова) рекомендуется женщинам любого возраста с различным типом лица. Асимметричная, с пробором и челкой, которую можно уложить по-разному — как кому идет. Новая техника стрижки создает впечатление пышности даже на тонких волосах. Прическа женственна, естественна. Ее легко сделать самой, при правильной стрижке, разумеется.

«Весна» (того же автора) больше пойдет молодым женщинам. Короткие локоны уложены вокруг лица, на макушке и темени волосы гладкие. Прическа выглядит живо, непринужденно

и современно. Делать ее рекомендуется на легкую химическую завивку.

Обе прически нарядны и одновременно практичны: хороши и на работе, и в театре, и на танцевальном вечере.

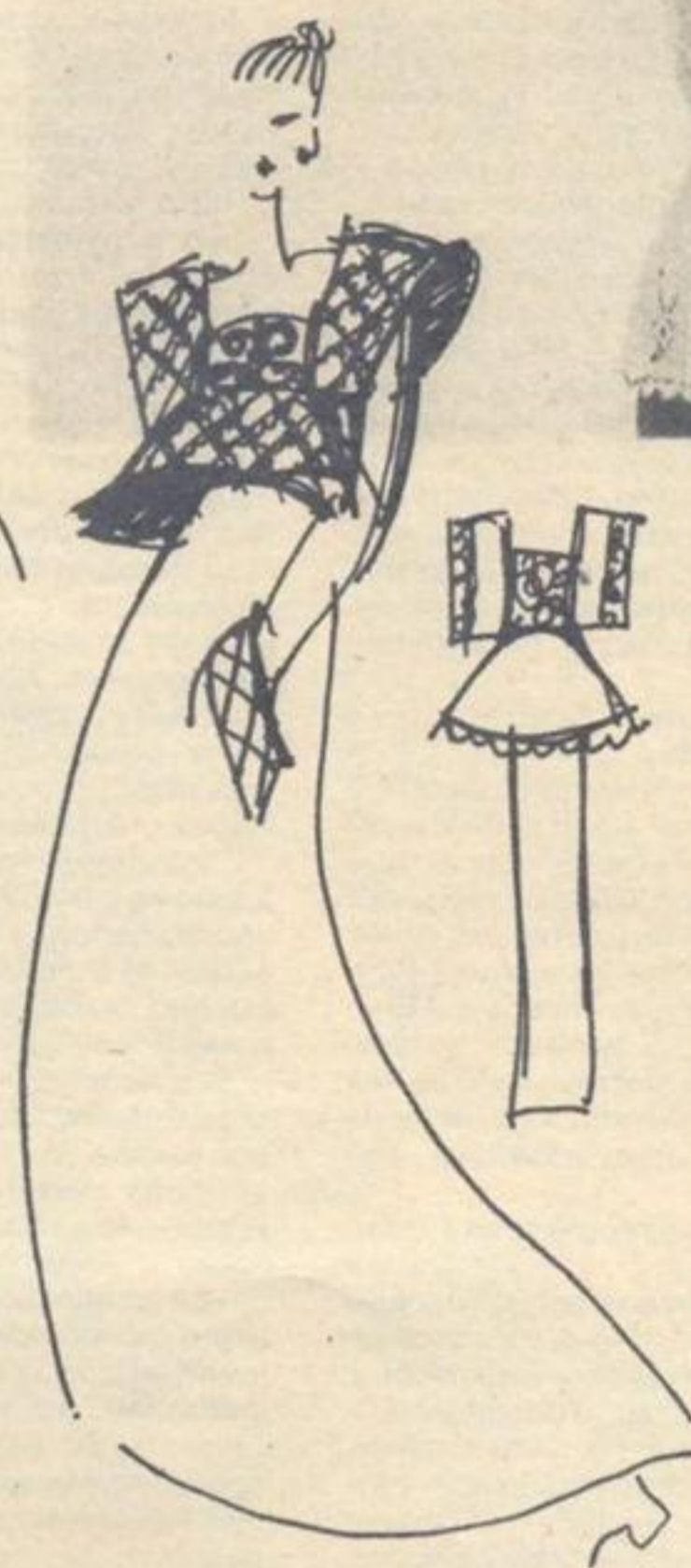
В современной моде, как известно, сильно влияние национальных традиций. Это веяние коснулось и причесок. Очень современно смотрятся сегодня косы. Используются косы и из искусственных волос, иной раз даже разноцветные, как в прическе, которую вы видите здесь.

Женщинам все чаще рекомендуют короткие стрижки — они молодят, да и ухаживать за волосами легче. Прически нынешнего года (как, впрочем, и прошедшего) естественны, мягки. Нет затейливых сооружений из начеса и лака. По-прежнему популярна стрижка «Сэссун» (мы уже о ней писали) в разных вариантах. Почти все прически выполняются на основе точной стрижки и легкой химической завивки, они хорошо сохраняют форму.

Есть новшества в окраске волос. Берутся два красителя, близкие друг к другу, и тогда один цвет переходит в другой, придавая волосам красивые оттенки.

Из мужских причесок наиболее интересны «Спринт» (автор С. Родин) и «Орфей» (авторы — М. Латушкин и М. Палагин). У «Спринта» стиль спортивный, «Орфей» более наряден, романтичен. Волосы сбоку доходят до кончика уха, а сзади до воротника сорочки. Как видите, мода на длинные волосы у мужчин прошла.

ЧТО НОВОГО
У ФИГАРО?

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

В суриковском зале Третьяковской галереи рядом с огромными историческими полотнами не сразу бросается в глаза маленький шедевр художника «Сибирская красавица». Висит он в углу, экскурсоводы не останавливаются перед ним зрители, спеша к «Боярыне Морозовой», «Утру стрелецкой казни», «Меншикову в Березове»... И это, наверное, естественно: ведь Суриков вошел в историю русского искусства именно этими картинами, а его значение как художника в том и заключается, что он умел постигнуть самый дух исторических событий и сумел поведать о них так, словно сам был их очевидцем.

Но взгляните в портрет этой ширококулой женщины в неярком деревенском платке. Обменяйтесь с ней взглядами, и сразу почувствуете, как переливаются в вас ее бодрость, здоровье, ее радостное принятие жизни. Она заражает желанием вот так же неожиданно и широко улыбаться людям, пасмурному небу, всему вокруг.

Про такую красоту говорят: земная. А про встречу с ней: «Будто живой воды напился».

Что мы знаем об этом портрете? Написан он был в 1891 году, когда художник жил в своем родном Красноярске, одновременно или вскоре после того, как закончил работу над картиной «Взятие снежного городка». Изображена на портрете Екатерина Александровна Рачковская, жена Петра Ивановича Рачковского, врача, председателя общества врачей Енисейской губернии. Впервые полотно было выставлено в 1896 году на XXIV Передвижной выставке. Но не как портрет, а как этюд, и фамилия Рачковской нигде не была обозначена. Суриков дал этюду название «Сибирская красавица».

Была ли эта работа случайной в творчестве художника?

Максимилиан Волошин опубликовал записи беседы с Суриковым. Этот замкнутый, не очень разговорчивый человек неожиданно распахнулся в разговоре с поэтом и поделился с ним своим отношением к красоте. «Я каждого лица хотел смысл постичь. Мальчиком еще, помню, в лица все вглядывался—думал: почему это так красиво? Знаете, что значит симпатичное лицо? Это то, где черты сгармонированы. Пусть нос курносый, пусть скулы, а все сгармонировано. Это вот и есть то, что греки дали—сущность красоты. Греческую красоту можно и в остяке найти. Женские лица русские я очень любил, неиспорченные, ничем не тронутые...»

Гармония, которую Суриков искал в лицах людей, всегда была связана для него с внутренней сущностью человека. Само наслаждение красотой рождало в нем тот подъем духа, то ощущение удалства, молодечества, жажду свободной, вольной жизни, которую он так ценил в людях, которую отобразил и в своем творчестве. Ведь, в сущности, все его полотна обращены к теме силы народной, ее роли в истории, раскрывают свободолобивый дух русского народа, его мужество, его способность пострадать за правду. Истоки этих настроений—в детстве художника, привыкшего гордиться своим «более чем двухсотлетним казачеством», происхождением от донских казаков, первопроходцев Сибири, участвовавших и в основании Красноярска. Огромным удовольствием были для него поездки с матерью к родственникам, жившим за Енисеем, в селе Торгошине. «Там самый воздух казался старинным. И иконы старые... И сестры мои двоюродные, девушки, совсем такие, как в былинах поется про двенадцать сестер. В девушках красота была особенная: древняя, русская. Сами крепкие, сильные. Волосы чудные. Все здоровьем дышат. Песни старинные пели тонкими певучими голосами».

Представления о красоте крепко связались у художника с поэзией сказок и былин, с жизнью вольной, среди полей и лесов, на необозримых просторах земли. И в его творчестве мы находим утверждение именно такой красоты, страстные поиски ее в современной ему действительности.

В разговоре с Волошиным художник совершенно определенно сказал: «...все женское царство Морозовой вышло из нашего дедовского дома в Торгошине».

Образ самой боярыни ассоциировался с образом тетки—Авдотьи Васильевны. Известен карандашный эскиз с Авдотьи Васильевны, сделанный во время одной из поездок Сурикова на родину. Но в конечном итоге прообразом Морозовой стала старообрядка-начетчица с Урала. В лице ее Суриков заметил тот фанатизм, то неистовство, которые и определили сущность образа Морозовой. Ведь это про нее сказал протопоп Аввакум: «Персты рук твоих тонкокожны, очи же молниеносны... бросаешься ты на врагов, аки лев...»

Среди «женского царства», которое мы видим на полотне, немало лиц, поразительных в своей высокой, духовной красоте. Прежде всего это девушка в желтом платке и синей шубке. Один из исследователей творчества Сурикова не случайно назвал ее

«скорбной русской Психеей». Поза ее и впрямь исполнена печальной и мягкой грации, а тонкие черты сказочно прекрасны. Это один из самых поэтических образов суриковского творчества, в ней, пожалуй, наиболее явственно воплотились представления художника о национальной женской красоте. Кто знает, может, работая над окончательным вариантом девушки в желтом платке, Суриков воспроизводил по памяти, а может, и по каким-либо наброскам образ одной из своих торгошинских сестер? Вторая женщина—боярыня, идущая рядом с санями, по всей видимости, это сестра Морозовой—Урусова. Горестно сцеплены ее руки, но прекрасное лицо не искажено мукой, оно как бы застыло в отчаянии. Во всем ее облике благородство и достоинство.

Еще раньше, до «Боярыни Морозовой», был завершен «Меншиков в Березове». Младшая дочь бывшего временщика, та, что склонилась над книгой, похожа на девушку в желтом платке, тот же тип «русской Психеи». Красота второй, старшей дочери Меншикова,—«таяющая», трогательно-болезненная и в то же время пронзительная.

Суриков писал ее со своей жены, в то время уже безнадежно больной. Смерть ее была для художника великим потрясением. Одно время ему даже казалось, что без жены он не сможет работать. Спасла его от безнадежной тоски поездка на родину. Здесь, среди родных людей, он отдохнул душой, словно снова вернулся в детство. Именно тут он задумал написать картину, в какой-то мере неожиданную для него. Сюжет—молодецкая сибирская игра «Взятие снежного городка». Художник мечтал почувствовать заразительный ток здоровой народной жизни—в этом он видел свое спасение.

Женских фигур в картине немного. На переднем плане две женщины в саях. Есть предположение, что для одной из них—той, что сидит вполборота с муфтой в руках,—позировала Сурикову Екатерина Александровна Рачковская.

Мы не знаем истории отношений, которые связывали Сурикова и Рачковскую. Известно только, что, встретившись с ней, он решает писать ее портрет. Художник не захотел изображать Екатерину Александровну в ее обычном платье, в привычной обстановке. Накинув ей на голову деревенский платок, он как бы вернул ее к себе исконной. Она стала царевной русских сказок.

Работа над этим портретом продолжила тему поиска Суриковым русской национальной красоты. Фон портрета тускло-серый, как будто писал его художник в пасмурный зимний день. Неяркий платок от этого получает какие-то особые серебристые тона. И, как звучный аккорд на этом фоне, полнокровная красота женщины. Замечательный колорист, Суриков сумел в этом портрете дать образец изумительного владения цветовой гаммой. Неяркие тона, дополняя друг друга, помогают жить красоте.

Как ни полно выразил себя Суриков в исторических полотнах, без «Сибирской красавицы» мы не знали бы о нем чего-то очень важного и существенного...

Л. ОСИПОВА

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА. Редакционная коллегия: А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.	Сдано в набор 24/1-1977 г. А 09213. Подписано к печ. 15/II-1977 г. Формат 60×90 ^{1/8} . Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 13 000 000 экз. (1-й завод: 1—11 238 550 экз.). Изд. № 524. Заказ № 136.
Адрес редакции: 101458, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный пр., 14.	Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП-4, улица «Правды», 24.
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной про- паганды—250-11-93; художественного оформле- ния—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.	Оформление художника Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО. Технический редактор Н. И. МАКАРОВА.

На первой странице обложки: Галина Тихонова и Наталья Швец работают на Каменец-Подольском кабельном заводе. Обе возглавляют комсомольско-молодежные бригады.
Фото Н. МАТОРИНА.

В приложении к этому номеру: по вашей просьбе—выкройки детской одежды. Модная отделка.

В. СУРИКОВ. СИБИРСКАЯ КРАСАВИЦА. ПОРТРЕТ Е. А. РАЧКОВСКОЙ.

Детский врач.

101
 Авторская
 РЕПРОДУКЦИЯ

Хорошее начало

Все пишущие о художниках непременно стараются отыскать собственную, личную творческую тему своего героя. О молодом ленинградском графике Елене Успенской в этом смысле писать легко: почти все многочисленные линогравюры и акварели художницы изображают женщин. Десятки, сотни портретов смотрят с ее листов: работницы, матери, совсем молодые девушки, девчонки...

Еще студенткой Института живописи,

скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, — Лена занималась в мастерской известного советского графика А. Ф. Пахомова, — она отправилась на практику в Вентспилс и писала там рыбацек, работниц молочного и рыбокомбинатов. В городе Чайковском на Каме — работниц текстильного комбината. Женщины оставались ее неизменными героинями и во время творческой поездки на Соликамский бумажный комбинат — их акварельные портреты появились на организованной там же итоговой выставке. А когда Успенская приехала в Гурзуф, в Дом творчества, ей снова позировали женщины, художницы, ее коллеги из разных республик.

Женщина — извечная тема искусства, от древних икон, от мадонн Возрождения. Но в каждое время, каждый художник ищет в этой неисчерпаемой теме, в этой бесконечности образов и характеров нечто свое, современное, важное, необходимое сегодня. Трудно сказать, почему Успенская стала воспроизводить на линолеуме и писать акварелью именно женщин, как пришла к этой творческой необходимости молодая художница, вступившая в самостоятельную жизнь в семидесятых годах нашего динамичного века. Но Успенская заявила о своих героинях с той же твердостью, с какой держит она шпатель или кладет на бумагу густые акварельные краски, по интен-

сивности напоминающие масло.

Ее героини — самые активные участницы нашей жизни — стоят у станков, работают в поле, лечат детей, листают страницы книг в библиотеках. Они вторгаются в жизнь, участвуют в ней, не теряя при этом женственности, изящества.

Есть у Елены Успенской и пейзажи (мне они показались очаровательными), но они занимают в ее повседневной работе явно второстепенное место.

Дорогу на выставки открыл ей учитель, Пахомов. «Этот лист сегодня же отнесешь в выставком», — говорил ей Алексей Федорович еще в институте. Вскоре ее работы были отмечены вниманием зрителей и критики.

Успенская участвовала более чем в 35 выставках, ее работы не раз экспонировались в Центральном выставочном зале в Москве. В 1975 году они экспонировались в Будапеште на выставке советской акварели, в 1976-м — в Берлине.

Сейчас Ленинградский комбинат графического искусства тиражирует ее линогравюру «Детский врач». Будут тиражированы и другие работы художницы.

Елена Успенская — в начале творческого пути. И ей еще, конечно, предстоят выставки, успехи, признания. Но прежде всего художницу ждет большая работа. У Успенской есть

В библиотеке.

важное качество: недовольство собой. Оконченную вещь ей часто хочется переделать заново... Это верный признак настоящего дарования.

А что касается признания, то оно выражено, в частности, в дипломе, текст которого гласит:

«За созданные произведения изобразительного искусства, посвященные трудовым и ратным подвигам советского народа, присвоить Елене Михайловне Успенской звание — лауреат производственного объединения «Кировский завод».

Мне кажется, что это — хорошее начало...

Юрий АЛЯНСКИЙ

Прядильщицы.

